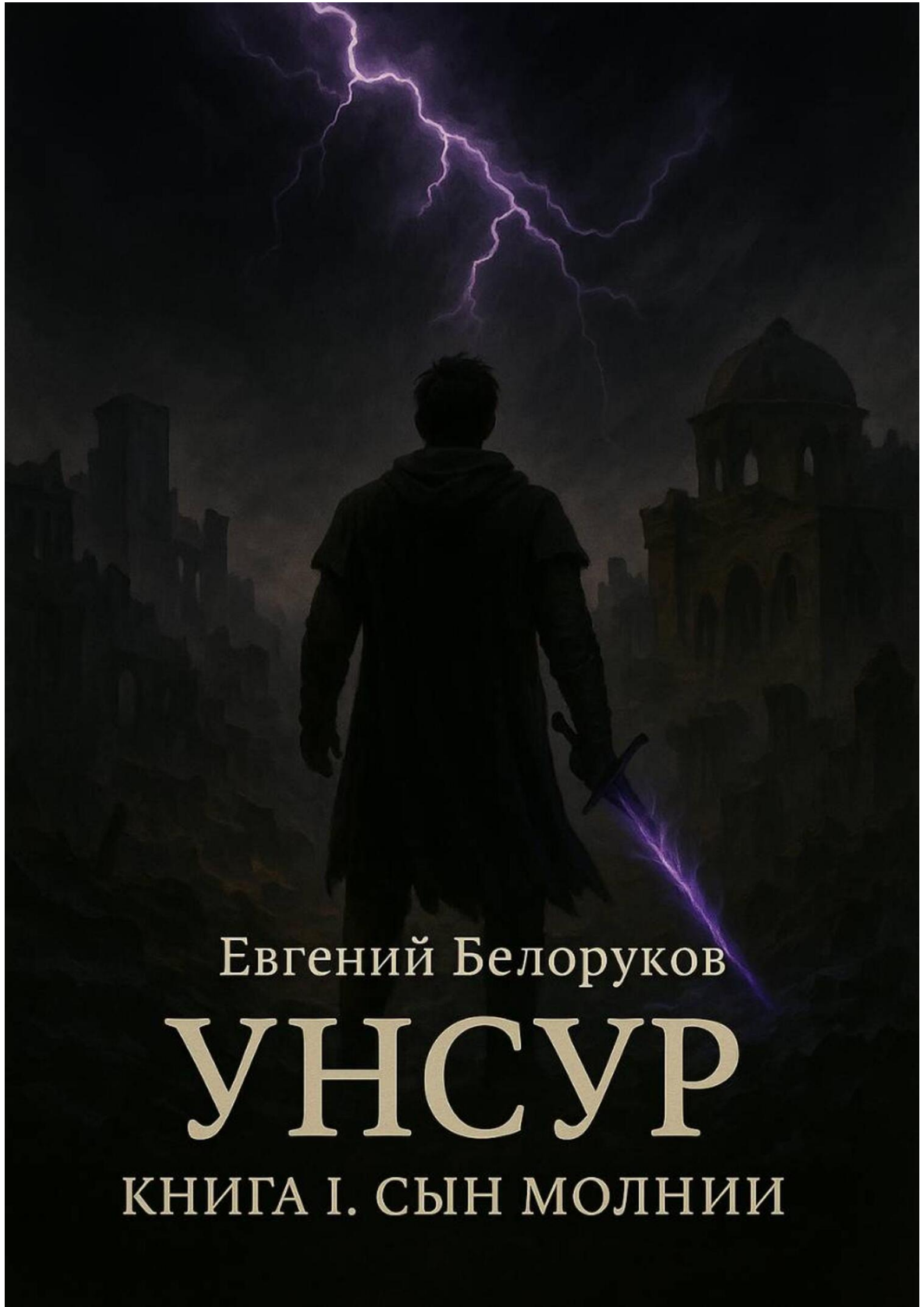

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. In the center, a figure in a dark, hooded cloak stands with their back to the viewer, looking out over a city of ruins. A bright purple lightning bolt strikes down from a dark, stormy sky above the figure. In the figure's right hand, a sword is held, with a smaller purple lightning bolt emanating from its tip. To the right, a large, domed classical building is visible among the ruins. The overall mood is dramatic and epic.

Евгений Белоруков

УНСУР

КНИГА I. СЫН МОЛНИИ

Евгений Белоруков

Унсур. Книга I Сын Молнии

«Автор»

2025

Белоруков Е. П.

Унсур. Книга I Сын Молнии / Е. П. Белоруков — «Автор», 2025

В мире Унсура, где стихии когда-то были живыми богами, юноша Лайт Аллистер случайно узнаёт, что он — приёмный сын и носитель силы древней Молнии. После разрушения его дома и гибели родителей он оказывается втянут в войну между светом и тьмой. Чтобы выжить и понять своё предназначение, Лайту предстоит принять силу, способную пробудить сам мир.

© Белоруков Е. П., 2025

© Автор, 2025

Евгений Белоруков

Унсур. Книга I Сын Молнии

СЛОВО АВТОРА.

Перед вами – книга простого человека, который однажды решил выпустить на бумагу свои мысли.

Кто-то перед сном прокручивает в голове прошедший день и думает, «а ведь можно было сказать по-другому, сделать иначе».

А я – просто начал представлять истории, где эти «иначе» могли стать чем-то большим. Из таких размышлений и родился этот мир – со своими бурями, молниями, страхами и надеждами.

Я не ставил перед собой цель написать шедевр. Хотел лишь рассказать историю, которая давно жила во мне – шаг за шагом, как вспышка в грозовом небе.

Меня вдохновляло всё: фильмы, сериалы, фантастика, легенды, аниме – всё, что умеет заставить сердце биться чуть чаще.

И, если хотя бы один из вас, дочитав до конца, почувствует то же самое – значит, всё было не зря.

Спасибо, что открыли эту книгу.

Пусть каждый её гром станет для вас напоминанием, что даже буря начинается с одной искры.

– Евгений Белоруков

УНСУР. КНИГА I. СЫН МОЛНИИ.

ПРОЛОГ.

Говорят, давным-давно, когда мир был ещё молод, а память о его рождении хранили лишь камни да ветер, жил мир по имени Унсур. Он дышал силами стихий – огнём, водой, землёй, воздухом и молнией. Эти силы были не просто природой. Нет. У каждой из них было сердце и своя воля. Мир жил ими, а они – им. И пока дышало это единство, жизнь текла, не зная конца.

Пять Повелителей стояли тогда над всем сущим – дети Матери-Силы, охранявшие равновесие.

Первым был Валмир, Повелитель Пламени. Он вышел из первой искры, что зажглась в пустоте. Был он горяч, упрям и справедлив, как само пламя. Топор его сиял, будто солнце, и каждый удар отзывался дрожью в земле. Но Валмир не сжигал бездумно – он защищал слабых, согревал тех, кто мёрз, и сжигал лишь зло, не касаясь добра.

Нараэль, владычица Вод, родилась из слезы Матери-Силы. В её взгляде можно было утонуть: в нём было и спокойствие моря, и сила бури. Словом, могла она усмирить шторм или вернуть жизнь высохшей реке. Говорят, в её водах жила память самого мира – обо всём, что было, и что ещё будет.

Эйра, дитя Ветра, была свободной, как птица, и непостоянной, как весенний порыв.

Смеялась она, когда рождалась буря, и танцевала на краю штормов. Её дыхание поднимало корабли на волнах, а порыв ветра мог стать клинком в бою. Где бы ни пролетела Эйра – там пела тишина.

Тарн, хранитель Земли, был могуч, как сама порода. Его молот воздвигал горы, ломал скалы, открывал подземные реки. Суровый он был, но под каменной кожей билось доброе сердце: Тарн выращивал сады, поднимал города и хранил всё живое под своим покровом.

А Каэл, владыка Молний, появился из столкновения двух грозовых облаков – света и ярости. В нём не было покоя, лишь стремление и решимость. Его клинки рассекали воздух быстрее мысли. Он был волей, самой искрой жизни, что не терпит остановки.

Долгое время стихии жили в мире. Унсур цвёл, и песнь его была чиста. Но однажды появилась тень. Из самого дна Бездны поднялся Белэтт – демон древний, созданный из того, что сами стихии отвергли при рождении мира. Белэтт не жаждал власти – он желал лишь разрушения. Он лепил слуг из мрака, вырывал души из тел и бросал их в бой.

Повелители сошлись с ним в битве. Последний бой гремел на Чёрном Плато, где сама земля дрожала от страха. Валмир жёг врагов, Эйра поднимала пламя ветром, Тарн воздвигал стены из камня, Каэл бил молниями, а Нараэль сдерживала всё воедино потоками воды.

Но Белэтт оказался силён, как сама бездна. Его раны затягивались, сила росла с каждым ударом.

И вот тогда на поле вышли смертные. Люди. Никто их не звал – они просто пришли. С копьями, мечами, с верой и страхом, но без отступления. Они встали рядом со стихиями, отвлекая тварей тьмы и давая Повелителям шанс. Вместе они низвергли Белэтта и заковали его в Бездне Забвения. Но победа стоила дорого. Стихии утратили бессмертие и приняли плоть смертных. Разошлись они по миру и передали людям свои знания. Так появились пять великих стран:

Валемния – земля огня и кузнецов;

Наралия – морская держава островов;

Эйрин – страна ветров и свободных народов;

Тарния – земли каменных садов и крепостей;

Каэлия – страна бурь и молний.

Прошли века. Люди забыли древние уроки. Сила стихий стала оружием, а легенды – детскими сказками. Имя Белэтта превратилось в миф.

Но пророчество не исчезло. На Столпах Забвения остались высечены слова:

Когда иссякнут реки,

и с неба прольётся чёрный дождь,

когда земля треснет,

и тьма поднимется из недр, —

тогда Молния явит Сына.

Через него заговорят все стихии,

и будет восстановлен мир,

расколотый войной и временем.

Прошли тысячелетия. И знамения начали сбываться. Реки сохли, дождь чернел, земля трещала. Люди видели тени, что двигались сами, и слышали голоса из глубин. Мир Унсур вновь стоял на краю беды.

А где-то, среди страха и безмолвия, жил тот, кому суждено всё изменить. Он не знал, кто он есть, и не ведал, что в его крови спит сила древней Молнии.

И стихии ждали. Долго ждали. Молчали и слушали. И знали – скоро их зов будет услышан.

ГЛАВА 1. ПРОБУЖДЕНИЕ И ПРАВДА.

Солнечные лучи пробились сквозь щели в крыше, и Лайт нехотя открыл глаза. Пыль танцевала в воздухе, где-то трещала муха. Сено кололо щёку, волосы спутались и липли к лбу.

Он приподнялся, потянулся, задел головой низкую балку и выругался сквозь зевок.

– О боже... я проспал! – вырвалось у него.

Он вскочил, смахнул с себя соломинки и выскочил наружу. Ветер сразу растрепал непослушные русые пряди, а солнце ударило в глаза так ярко, что он зажмурился.

Во дворе всё было по-старому: запах свежего хлеба из дома, куры у крыльца, пара гусей, громко обсуждающих что-то у бочки с водой.

Лайт был высоким для своих семнадцати лет, жилистым и чуть неуклюжим – видно, что вырос на работе, а не за книгами. На нём висела простая льняная рубаша, засученные рукава, потёртые штаны, ремень с мешочком и старые сапоги. Всё привычно, всё родное.

Он подбежал к двери, распахнул её так резко, что мать выронила тарелку с кашей.

– Святая Нараэль! – вскрикнула она.

Отец поднял бровь, потом оба засмеялись.

– Опять в сарае спал? – улыбнулся Элиот.

– Если бы ты не гонял его работать до темноты, он бы спал в кровати! – вмешалась Скарлет.

– Мама, папа, я вас люблю, но у меня экзамен! Если опоздаю – всё, Рейтар меня заваляет! – Лайт наспех умылся, переоделся и вылетел обратно во двор, даже не притронувшись к завтраку.

Дверь хлопнула. Несколько секунд родители стояли молча.

Элиот провёл рукой по коротким тёмным волосам, тихо вздохнул:

– Скарлет... пора рассказать ему правду. Он должен знать, кто он на самом деле.

Жена опустила взгляд. На щеках мука, от фартука пахло травами. Она вытерла руки, вздохнула и ответила устало, но мягко:

– Он наш, Элиот. Какая разница, кто его родил? Мы воспитали его. Он наш сын.

Муж стоял напротив – крепкий, с обветренными руками, следами старых шрамов. Он долго смотрел на жену, потом чуть кивнул:

– Я знаю. Просто иногда думаю о том воине... Анаке. Он тогда говорил странные вещи. Может, не зря.

Скарлет нахмурилась, отвела взгляд к окну.

– Пятнадцать лет мы молчали. Не надо ломать его мир сейчас.

Элиот выдохнул, словно отпуская спор.

– Ладно. Пусть думает об экзамене.

Она улыбнулась чуть теплее:

– И помни, он наш сын. Всегда.

В доме снова стало тихо. Слышно было, как за окном шумит ветер и где-то вдали кричит соседский петух.

Лайт выскочил на улицу и рванул по знакомой дороге. Воздух был тёплым, пахло сеном, пылью и свежим хлебом – кто-то уже ставил булки остывать на окнах. Где-то лаяла собака, мелькали соседские заборы, знакомые лица махали ему вслед.

Он бежал, перепрыгивая через лужи, едва не сбив телегу. Сердце колотилось, дыхание сбивалось, но он не останавливался.

– А ты чего опаздываешь, герой? – раздалось сбоку.

Из-за угла выскочила Мира. Рыжие волосы в высоком хвосте, веснушки, ухмылка до ушей – такая же, как всегда. Она легко подстроилась под его темп, не отставая ни на шаг.

– Опять проспал?

– Ага. Хочешь пари? Кто первый – тот забирает десерт проигравшего!

Не дожидаясь ответа, он ускорился. Мира засмеялась и тоже рванула вперёд. Ветер бил в лицо, сапоги гулко стучали по дороге. На последнем повороте Лайт споткнулся о камень и – бац! – рухнул прямо в кучу свежего навоза.

Мира согнулась от смеха:

– Кажется, я победила! Десерт мой!

Он поднял голову, морщась от запаха:

– Нечестно. Земля была против меня.

– Конечно-конечно, – хихикнула она и махнула рукой. – Давай, встретимся у академии!

Лайт, бормоча что-то про “чудовище в юбке”, отряхнулся и побежал дальше.

У ворот академии уже толпились ученики. Каменное здание возвышалось над деревней – серое, с арками и узкими витражами. Над входом флаг с гербом Каэлии слегка колыбался на ветру.

Алекс, его друг, стоял неподалёку, прислонившись к колонне. Высокий, широкоплечий, с лёгкой ухмылкой.

– Ну здравствуй, чемпион грязевых гонок, – сказал он, подавая полотенце.

– Ты мог бы хотя бы сделать вид, что тебе меня жалко.

– Если бы я жалел – мне было бы скучно.

Оба засмеялись. Потом Лайт кивнул в сторону дверей:

– Пошли, пока нас не вычеркнули из списка.

Внутри пахло камнем и пылью. В коридоре, за столом, сидела мисс Ридс – пожилая женщина с добрым, но строгим лицом. Она подперла щеку рукой, выглядела усталой, будто ей надоело слушать учеников.

– Имя, – сказала она сухо.

– Мисс Ридс, вы же нас знаете с детства! – улыбнулся Алекс.

– Имя, – повторила она, не поднимая глаз.

– Лайт Аллистер.

– Алекс Грин.

Она поставила отметки, протянула каждому по дощечке с номером.

– Проходите. Следующий!

Дальше, за дверями, шум стоял как на базаре. Ребята обсуждали задания, кто-то хохотал, кто-то нервно жевал прядь волос. У стены стояла Мира, а рядом – её подруги Гвен и Стэйси.

– Ну что, упал герой, но встал? – поддразнила она.

– Ага. В теперь у тебя ужин с моим десертом, – отшутился Лайт.

Он подошёл к доске, ожидая увидеть своё имя и номер испытания. Но вместо расписания там висело короткое объявление:

ПРАВИЛА ЭКЗАМЕНА ИЗМЕНЕНЫ.

ВСЁ ОБЪЯВИТ МАСТЕР РЕЙТАР.

Алекс тихо присвистнул.

– Пахнет сюрпризами.

– Пахнет бедой, – ответил Лайт, глядя на надпись.

Толпа в зале гудела, пока не распахнулись тяжёлые двери.

Сначала вошёл ветер – будто кто-то снаружи специально распахнул их настежь. Потом шагнул он – Рейтар.

Высокий, широкоплечий, лысина блестит под светом факелов. Плащ выцвёл, но держался гордо. За поясом – меч, чуть виднеется рукоять. И взгляд. Такой, что все разговоры мгновенно стихли.

– Так... вижу, шуметь вы умеете, – произнёс он, проходя вперёд. Голос низкий, раскатистый, будто гремит по каменным стенам. – Посмотрим, умеете ли слушать.

В зале стало тихо, слышно было, как кто-то неловко кашлянул.

– В этом году выпускников много, – продолжал он. – Больше, чем когда-либо. Значит, или молодёжь стала храбрее... или дураков прибавилось.

Смех прокатился по залу, но быстро стих – взгляд Рейтара был достаточно, чтобы он утонул в горле.

– Экзамен пройдёт в три этапа. Будете работать парами. Сами решайте, с кем. Не думайте, что пронесёт. Первое испытание – проверка выносливости и реакции. Второе – работа в связке. Третье – бой.

Он говорил спокойно, но в каждом слове ощущалась сила.

– Перед этим пройдёте медосмотр. Всё просто. Те, кто не выдержит – домой. Те, кто справится – поедут в столицу. Удачи вам, герои. Хотя удача не спасёт, если мозгов нет.

Он развернулся и ушёл так же внезапно, как появился.

Толпа зашевелилась. Ребята переглядывались, кто-то уже звал друзей в пару. Лайт с Алексом встретились глазами – решение было очевидным.

– Ну что, снова вместе? – спросил Алекс.

– Как будто у меня есть выбор.

– Отлично, – усмехнулся друг. – С тобой я точно не выиграю, но хоть не скучно помру.

– Спасибо за поддержку. Пошли к медпункту.

Коридоры академии пахли пылью и старой бумагой. На стенах висели гербы и выцветшие портреты прежних выпускников.

Очередь в медпункт тянулась длинная. Кто-то нервно топтался, кто-то пытался шутить. Алекс зашёл первым, а Лайт остался у двери, чувствуя, как в животе урчит от голода – с утра ведь ничего не ел.

Он обернулся, заметил приоткрытую дверь в соседний кабинет. На полке – стопки папок и бумаг. Любопытство шевельнулось, и он заглянул внутрь.

Он вошёл тихо, как будто просто осматривается. На полках – аккуратные стопки бумаг, связки старых журналов, записи в переплётах. Запах пыли, чернил и сухих трав – в комнате явно редко проветривали.

Лайт провёл пальцем по корешкам, машинально читая фамилии. Почти все знакомые: ученики из его потока, старшие выпускники. И вдруг – папка с пометкой Аллистер, Лайт.

Он замер. Потом потянулся и вытащил её. Бумаги внутри были тонкие, пожелтевшие от времени. Первое, что бросилось в глаза – строка в самом верху:

Принят в семью Аллистеров. Приёмный сын. Настоящие родители – неизвестны.

Он перечитал раз, потом второй.

Мир будто дернулся. Воздух стал густым, а шум в коридоре – далёким, будто через воду. “Приёмный?..”

Грудь сжало. Он опустился на край стола, не чувствуя под собой ног. В голове метались образы: мама у печи, отец в поле, вечерние разговоры, смех. Всё это вдруг стало будто чужим.

Он не сразу понял, что сжимает папку так сильно, что бумага мнётся.

“Почему... они не сказали?”

Гнев и боль ударили разом. Хотелось выбросить всё к чёрту, закричать, чтобы весь мир услышал. Но не получилось – в горле встал ком.

Он сидел так несколько секунд, потом медленно выдохнул.

Вспомнился утренний смех родителей, то, как мать поправила фартук, как отец вздохнул, глядя в окно. Всё это было настоящим.

Он сжал кулаки, поднялся.

– Хорошо... пусть я не их по крови. Но я их сын. Я всё равно докажу, что достоин этого имени.

Голос прозвучал хрипло, но твёрдо.

Он аккуратно положил папку на место, выровнял стопку и вышел в коридор.

В коридоре стояла тишина. Только где-то вдали слышались голоса – кто-то шутил, кто-то спорил о заданиях. Лайт шёл медленно, будто ноги стали тяжелее. Воздух казался густым, и даже свет из окон резал глаза.

Из медпункта вышел Алекс. Он выглядел так же, как всегда – уверенный, спокойный.

– Ну что, жив? – спросил он с улыбкой.

– Вроде да. Сейчас моя очередь.

Алекс кивнул и пошёл по коридору дальше, даже не подозревая, что у друга внутри всё перевернулось.

Лайт вошёл в кабинет.

Там пахло чистотой и чем-то травяным. За столом сидела женщина лет сорока, в белом халате. Волосы убраны в пучок, на лице лёгкая улыбка – спокойная, привычная.

– Аллистер, Лайт? – уточнила она, сверяясь с журналом.

– Да.

Медосмотр прошёл быстро. Рост, вес, реакция. Холодный металл стетоскопа, несколько коротких вопросов. Женщина делала пометки, не задавая лишних.

– Всё в норме, – сказала она наконец. – Крепкий парень. Иди.

– Спасибо, – ответил он тихо и вышел.

На улице воздух показался слишком ярким. Солнце било в глаза, пахло пылью и хлебом из пекарни. Люди смеялись, кто-то тянул ведро с водой, дети гоняли деревянный обруч. Мир жил, как обычно, только у него внутри что-то треснуло.

Он дошёл до площади и остановился у фонтана. Холодные брызги упали на лицо, немного отрезвили.

“Приёмный... чужой...” – слова вертелись в голове, как занозы.

Он сел на край фонтана, посмотрел на своё отражение в воде. Лицо знакомое – но будто не его.

Прохожие мелькали мимо, кто-то поздоровался, кто-то махнул рукой. Лайт кивнул в ответ, не поднимаясь.

Потом просто встал, выпрямился и выдохнул.

– Ну и ладно, – сказал он вполголоса. – Какая разница. Всё равно это моя жизнь.

Он поправил ремень, оглядел улицу и пошёл на экзамен.

Деревня звучала привычно: где-то смеялась Мира, за двором стучал молот, петух пере-кликался с псом. Всё, как всегда. А внутри стало чуть спокойнее.

После полудня солнце уже стояло в зените. Академия гудела, готовясь к испытанию. Лайт почти не ел – в голове вертелись мысли о родителях и экзамене.

Кто-то проверял доспехи, кто-то спорил с напарником, а кто-то просто стоял с закрытыми глазами, стараясь успокоить дыхание.

Лайт чувствовал, как сердце гулко стучит где-то в груди. Всё казалось громче обычного – шаги, шорох плащей, даже шелест листвы за стенами. Воздух был сухим, пах пылью и металлом.

Алекс стоял рядом, привычно крутя в руках перчатку. На лице – спокойствие, но Лайт знал: внутри тот так же волнуется.

Рейтар вышел на середину площадки, как гром среди ясного неба. Голос прозвучал, будто удар молота:

– Первый этап – проверка скорости, ловкости и взаимодействия! Каждая пара должна пройти полосу препятствий. Перепрыгнете барьеры, пролезете под сетями, достанете флажки и вернётесь обратно. Лучшие – получают преимущество. Остальные – запомнят, каково быть последними.

Он махнул рукой – и наступила тишина.

Лайт коротко кивнул Алексу. В глазах у обоих было одно и то же – решимость. Без слов.

– Готов? – тихо спросил Алекс.

– Всегда, – ответил Лайт.

Они подошли к стартовой линии. Пот на ладонях, дыхание сбивалось, земля под ногами будто ждала. Ветер трепал волосы.

– На старт! – крикнул Рейтар. – Вперёд!

Рёв толпы.

Лайт сорвался с места. Камни под ногами, узкие проходы, барьеры, верёвки. Всё мелькало, будто в ускоренном сне.

Он перепрыгивал через бревно, скользил под сеткой, хватал за руку Алекса, если тот терял равновесие. Их дыхание слилось в одно.

– Лево! – выкрикнул Алекс.

– Вижу!

Они обогнули угол, нырнули под перекладину. Где-то позади кто-то рухнул на землю, но Лайт не обернулся. Всё, что было важно – флажок впереди.

Платформа. Высоко. Скользящая.

– Я поднимусь, – выдохнул Алекс, – ты страхуй.

– Быстрее! – крикнул Лайт, подсаживая его, чувствуя, как пальцы скользят по потной коже.

Флажок сорван, ветер ударил в лицо.

– Бежим! – одновременно крикнули они и рванули назад.

Последний барьер. Земля будто дышала под ногами. В ушах гул, мир размазан в движении.

И вдруг – финиш.

Толпа загудела. Кто-то хлопнул, кто-то свистнул.

Алекс рассмеялся, хлопнув Лайта по спине.

– Вот это мы дали!

Лайт пытался отдышаться, пот стекал по шее, но улыбка не сходила с лица.

– Думаю, не последние.

– С таким стартом – точно нет, – ответил Алекс, всё ещё тяжело дыша.

Оба стояли молча, чувствуя, как напряжение постепенно уходит. Сердце успокаивалось, но где-то глубоко внутри уже росло предчувствие следующего этапа.

Толпа учеников немного поредела. Кто-то сидел прямо на камнях, кто-то растирал ноги, кто-то молча пил воду.

Рейтар стоял на возвышении, как каменная статуя, и только глаза двигались, наблюдая за каждым.

– Второй этап, – произнёс он, когда все стихли. – Испытание на смекалку. В лабиринте знаний вам предстоит решить задачи, найти выход и не потерять друг друга. Ошибётесь – начнёте сначала. Тут сила не поможет.

Он кивнул в сторону узкого прохода, ведущего вглубь академического двора.

– Вперёд, по порядку!

Лайт с Алексом переглянулись и шагнули внутрь.

Внутри воздух был прохладный, пах камнем и старой бумагой. Высокие стены тянулись вверх, почти касаясь сводов. На стенах – резные символы, таблички, гербы. Всё выглядело как музей, но стоило пройти дальше – тишина сгустилась, а воздух стал плотнее.

– Вот он, лабиринт, – пробормотал Алекс. – Красиво, но жутковато.

– Сосредоточься, – ответил Лайт. – Здесь не красота важна.

Первый поворот привёл их к стене с вырезанными гербами династий. Под ними – пустые ячейки.

– Похоже, нужно расставить их по порядку, – сказал Алекс, осматривая таблички на полу.

Лайт нахмурился, вспоминая уроки истории.

– Сначала Каэл, потом Нар, потом Лирн... – пробормотал он, переставляя гербы.

Когда последний встал на место, послышался тихий щелчок – и стена сдвинулась.

– Есть! – выдохнул Алекс. – Работает.

Дальше коридоры становились уже и запутаннее.

На втором участке надписи путались между собой, требуя логики. Каждый неверный ответ возвращал их к началу блока – камни буквально двигались, заставляя их идти по кругу.

– Да что за издевательство, – выругался Алекс, стирая пот со лба.

– Спокойно, – ответил Лайт, глядя на символы. – Это не сила, это терпение.

Он шёл пальцем по резьбе, замечая крошечные трещины, линии, которые подсказывали правильный порядок.

– Вот. «Здесь ошибка», – сказал он, нажимая на другую плиту.

И снова – щелчок, тихое движение воздуха, новый проход.

Чем дальше, тем труднее.

Теперь задания требовали внимания к деталям: углы, зеркала, подсказки в орнаментах.

Каждый раз, когда они ошибались, пространство словно издевалось – возвращало их в начало.

– Чёрт, я уже не чувствую ног, – простонал Алекс.

– Значит, идём правильно, – усмехнулся Лайт. – Настоящие испытания никогда не бывают лёгкими.

На последнем блоке пришлось соединять события из истории Каэлии в хронологию.

Алекс держал таблички, Лайт быстро выкладывал последовательность.

– Порядок восстаний... потом реформы... потом объединение земель...

– Проверь быстрее, я не выдержу больше этих камней, – буркнул Алекс.

Щелчок. Проход открылся.

Впереди – свет. Они вышли на небольшую площадь, где воздух был свежим, а солнце било прямо в глаза. Толпа уже собралась.

Рейтар стоял там же.

Он коротко кивнул.

– Молодцы. Лабиринт прошли не все. Остальные покинут испытание.

Лайт молча стоял, глядя, как несколько пар выходят с опущенными головами.

Он чувствовал, как усталость накрывает волной, но внутри горело что-то похожее на гордость.

Алекс тихо сказал:

– Кажется, мы ещё живы.

– Пока да, – усмехнулся Лайт. – Посмотрим, что будет дальше.

К вечеру солнце начало клониться к горизонту. Камни на дороге остывали, а деревня постепенно стихала. После экзаменов шум академии остался где-то позади, но в голове Лайта всё ещё гудело – от усталости и от мыслей, которые не давали покоя.

Алекс свернул к своему дому, махнув на прощание рукой:

– Завтра узнаем результаты. Отдохни хоть немного, ладно?

Лайт кивнул, но ничего не ответил.

Когда он вошёл во двор, воздух пах дымом и хлебом. Из дома слышались голоса – смех Миры и её отца, Далона. Этот смех резанул по нервам, как будто всё вокруг по-прежнему спокойно, а у него внутри буря.

Далон заметил его первым:

– Ну здравствуй, герой. Как прошёл день?

Лайт лишь кивнул, не отвечая. Он прошёл в дом, шаги тяжёлые, взгляд жёсткий.

Мира, державшая в руках кошку, замерла.

– Лайт?.. Что случилось?

Он посмотрел на неё коротко, будто сквозь стекло.

– Где мама и папа?

– В кухне, – тихо ответила она.

Лайт распахнул дверь. Родители сидели за столом – Скарлет месила тесто, Элиот чинил ножны. Всё выглядело, как всегда. И именно это взбесило его ещё больше.

– Почему вы мне не сказали?! – вырвалось у него. Голос хриплый, сорванный.

– Почему я узнаю о своём прошлом из бумаг, а не от вас?!

Руки Скарлет дрогнули. Мука осыпалась на пол.

– Лайт... мы хотели защитить тебя, – тихо произнесла она.

– Защитить?! – он стукнул кулаком по столу. – От чего? От правды?

Элиот поднялся, но не стал приближаться.

– Сын... я боялся, что ты начнёшь искать тех, кого уже нет. Мы просто хотели, чтобы ты жил спокойно.

– Спокойно? – Лайт рассмеялся коротко и горько. – Врать – это по-вашему “спокойно”?

Скарлет шагнула ближе, голос у неё дрожал:

– Мы не врали. Мы просто... не смогли сказать.

Мира стояла у двери, не решаясь войти. Она хотела сказать что-то, но слова застряли.

– Лайт, – тихо произнёс Элиот. – Мы любим тебя. Всегда любили.

Эти слова сбили остроту его гнева, но не убрали боль. Он отвернулся.

– Я знаю. Просто... не могу сейчас вас слушать.

Он прошёл в свою комнату, захлопнув дверь. Тишина. Только потрескивал огонь в очаге.
– Он вернётся, – сказал Элиот почти шёпотом.

– Дай ему время, – ответила Скарлет.

Мира стояла в коридоре, прислонившись к стене. Сердце колотилось. Она шепнула едва слышно:

– Лайт, ты не один.

В комнате было темно. Лайт сидел на кровати, глядя в окно. Небо темнело, за окном перекликались кузнечики. Мысли металась – злость, обида, усталость, но под всем этим теплилось что-то ещё.

Он вспомнил, как мать смеялась над пригоревшими пирогами, как отец учил точить нож, как вместе сидели у костра. Всё это было правдой.

Лайт медленно выдохнул, проведя рукой по лицу.

– Они всё равно моя семья, – тихо сказал он сам себе.

– И как бы ни было больно, я должен идти дальше.

Он поднялся, подошёл к окну. Ветер донёс запах трав и далёких костров. Где-то лаяла собака.

Мир вокруг жил своей жизнью, и в этой жизни было место и для него.

Лайт посмотрел в небо и шепнул почти беззвучно:

– Завтра я начну заново.

Он закрыл окно и лёг, впервые за день чувствуя усталое, но честное спокойствие.

ГЛАВА 2. ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ДЕТСТВО.

Ночь не принесла покоя. Лайт лежал, не смыкая глаз, глядя в потолок, где плясали слабые отсветы луны. Мир за окном будто выдохнул – густой, тяжёлый, тёмный, словно само небо натянуло над лесом плотное покрывало. Деревья шептались друг с другом языком ветра, листья тихо шуршали, а редкие лучи луны скользили по земле, выхватывая из темноты странные очертания. Иногда они казались тенями живых существ, и Лайт ловил себя на мысли, что не отличает воображение от реальности.

Издалека доносился вой волков, протяжный и глухой. Он отзывался в груди, заставляя сердце биться чаще. Комары настойчиво звенели у уха, кусая шею и щёки, но раздражение тонуло в потоке мыслей. Вся его голова была наполнена одним: вчерашней правдой.

Теперь он знал, что не был сыном тех, кого считал родителями.

И от этого мир, который раньше казался прочным и надёжным, вдруг треснул по швам.

Почему они скрывали? Зачем? От кого его защищали? От жизни? От самого себя?

Мысли бурлили, как лава, и с каждым вдохом становилось труднее оставаться в покое. В груди жгло – смесь гнева, растерянности и горечи. Казалось, само тело стало чужим: мышцы ломило, дыхание давалось через силу, даже воздух казался плотным, вязким, будто сопротивлялся каждому движению.

Он вскочил. Натянул штаны, накинул рубашку, ту самую – мамину работу к семнадцатилетию. Ткань пахла домом, тёплым хлебом и детством, которое вдруг стало недостижимо далёким.

На лестнице скрипели доски, и этот звук раздражал почти физически. Лайт прошёл на кухню, на ходу отломил кусок пирога, запил молоком – и остановился. Дом был странно тих.

Слишком тих.

Он вслушивался в эту тишину, будто в чужую речь.

Как будто стены знали то, чего не сказал никто.

– Они думали, что делают мне лучше, – тихо пробормотал он, сжав кулаки. – Но лучшего не бывает без правды.

Холодный утренний воздух ударил в лицо, когда он вышел за порог. Мокрая трава липла к ботинкам, ветер пробирал до костей, будто хотел вытряхнуть из него остатки сна. Лайт шёл по дороге, чувствуя, как под ногами хрустит гравий, а каждая мелочь – звук, запах, свет – будто обострилась до предела.

Вскоре рядом возникла знакомая тень. Мира.

Она шла чуть позади, шаги осторожные, дыхание ровное. Руки сжаты перед грудью, взгляд опущен.

– Можно я пойду с тобой? – спросила тихо, почти не глядя. – Просто... рядом. Без разговоров.

– Делай, как хочешь, – отрезал он, не оборачиваясь. – Только молчи.

– Хорошо, – выдохнула она, и шаги за его спиной стали тише, мягче.

Так они и шли. Молча.

Лишь треск ветвей под ногами да утренний ветер, играющий листвою.

Через несколько минут Мира снова нарушила тишину:

– Прости. Просто не хочу, чтобы ты был один.

– Мне не нужна жалость, – сказал он сухо, не оборачиваясь.

– Это не жалость, – едва слышно ответила она. – Просто... забота.

Он ничего не сказал. Только шаг ускорил. Но где-то глубоко внутри, в самом центре этой злости, мелькнула тёплая искра благодарности.

Когда впереди показались башни Академии, Мира остановилась.

– Жди Алекса, – сказала она. – Я к Стэйси. Мы в одной команде, будем готовиться. Удачи тебе, Лайт.

Он кивнул, а потом, почти против воли, добавил:

– И тебе.

Улыбка Миры была короткой, но живой – и исчезла вместе с ней, когда она свернула за угол.

Дом Алекса всегда пах хлебом и мясом.

Стоило открыть калитку, как навстречу вылетала его младшая сестрёнка Энни, с корзиной яблок, вечно босая и шумная.

– Лайт! – крикнула она, смеясь. – Алекс на кухне!

Алекс уже стоял в дверях, как всегда уверенный, чуть растрёпанный и с озорным блеском в глазах.

– Заходи! Завтракать будешь? – он хлопнул Лайта по плечу. – У нас мясо с рынка мама с утра жарила.

Лайт сел за стол. Перед ним – свежие булочки, чай, сыр, всё простое и домашнее.

Но кусок не шёл в горло.

– Нет, – сказал он, отодвигая кружку. – Лучше обсудим предстоящий этап.

Алекс сразу посерьёзnel.

– Мы уже прошли два. Справились. Первый – сила, второй – смекалка. Остался третий. Думаю, он будет про бой.

– Да. И на этот раз – каждый сам за себя, – тихо ответил Лайт. – Но если будем думать, как вместе, всё получится.

Алекс усмехнулся:

– Думаешь, дух командной работы пригодится даже в одиночке?

– Думаю, да. – Лайт чуть улыбнулся. – Он помогает не бояться.

Картер, отец Алекса, за их разговором только покачал головой. Он стоял у разделочного стола, разделявая мясо уверенными движениями.

– Главное – не лезь на рожон, – буркнул он. – И помни, что победа не всегда в силе.

Иногда – в выдержке.

Мать, Аманда, поправила волосы и добавила мягче:

– А иногда – в сердце.

Лайт чуть опустил взгляд. Эти простые слова кольнули сильнее, чем он ожидал.

– Пора, – сказал он, поднимаясь.

Они вышли на тропу. Лес шуршал ветром, под ногами пружинила земля.

– Ты молчалив сегодня, – заметил Алекс.

– Просто думаю,

– Тогда я рядом, – ответил тот. – Всё остальное потом.

Перед самым поворотом на площадь им встретился старик. Плащ – серый, лицо почти не видно, только блестящие глаза под капюшоном.

– Молодые люди, – сказал он негромко, но голос врезался в воздух.

– Как пройти к ферме Аллистеров?

Лайт насторожился.

– Зачем вам туда?

– Эллиот – старый друг, – спокойно ответил старик. – Должен поговорить с ним о прошлом.

Лайт объяснил дорогу. Старик кивнул, поблагодарил и, уходя, тихо добавил:

– Удачи на испытании.

Когда они обернулись, его уже не было.

– Классика, – пробормотал Алекс, нервно усмехнувшись.

– Только не говори, что это был какой-то магический дед.

– Не скажу, – ответил Лайт, – но всё равно странно.

К моменту их прихода площадь гудела. Кто-то разминался, кто-то проверял оружие, кто-то просто стоял, уставившись в землю. Воздух был плотный – запах пота, пыли, железа и нервов.

На трибуне появился Рейтар. Прямая спина, взгляд тяжёлый, шаг уверенный. Когда он заговорил, даже ветер стих.

– Сегодня этап другой, – сказал он. – Один на один.

Пауза.

– Никакой помощи извне. Никаких оправданий. Только вы, ваш разум и ваши руки.

Толпа стихла окончательно.

– Пары случайны, – продолжил он. – Правила просты:

– не бить лежащего;

– не целиться в голову;

– никаких острых клинков.

Только дубинки, посохи, деревянные мечи.

Он посмотрел на каждого, и его голос стал почти мягким:

– Не сила делает вас воинами. Хладнокровие. Умение думать под давлением.

Лайт глубоко вдохнул. Сердце билось часто, но ровно. Алекс сжал рукоять тренировочного меча – просто из привычки, для уверенности.

– Начинаем, – сказал Рейтар. – Первый бой:

Мира Томпсон против Джека Форбса.

Лайт замер.

Он видел Миру – напряжённую, собранную, почти неподвижную. Её дыхание частое, руки дрожат, но взгляд – прямой.

Джек стоял напротив – тяжёлый, уверенный, опытный. Он чуть покачивался, проверяя равновесие.

– Начали! – рявкнул Рейтар.

Джек рванул вперёд. Удар – блок. Второй – скользнул по плечу.

Мира отступила. Пыль взметнулась под ногами.

Третий удар пришёлся ей в затылок. Она рухнула, дыхание сбилось.

– Мира! – выдохнул Лайт.

Джек поднял дубинку снова, чтобы добить.

– Стоп! – голос Рейтара раскатился по площади, как гром.

Он оказался рядом быстрее, чем кто-либо успел моргнуть. Стальной захват – и рука

Джека замерла в воздухе, дубинка застыла.

Взгляд Рейтара был холоден и прям.

– Нарушение правил. Ты дисквалифицирован.

Толпа шумела. Джек, тяжело дыша, отступил.

Лайт подбежал к Мире, опустил на колени, осторожно поднял её голову.

– Эй, всё хорошо. Слышишь меня?

– Больно... – прошептала она.

– Осторожно, – сказал Рейтар. – Отнеси её в медпункт. Твой бой будет последним.

Лайт кивнул, поднял Миру на руки. Она была лёгкой, почти невесомой. Её дыхание было тёплым, сбивчивым, но живым.

Он шёл быстро, стараясь не смотреть на толпу.

Медпункт пах травами и железом.

Воздух был тяжёлый, чуть влажный – как будто сама боль оставляла здесь след.

Лайт аккуратно положил Миру на кушетку. Она всё ещё была бледной, глаза полуприкрыты, губы сухие.

– Осторожно, – сказала миссис Ридс, подбегая к ним. – Дай-ка я посмотрю.

Она двигалась быстро и уверенно, как человек, видевший и худшее. Проверила зрачки, прощупала затылок, приложила холодный компресс.

– Лёгкое сотрясение. Повезло. – Она обернулась к Лайту: – Никаких переломов, только ушибы. Отдых – и всё пройдет.

Но Лайту было всё равно, какие слова она произносит. Он стоял, не отводя взгляда от Миры, пока не убедился, что грудь поднимается в ритме дыхания. Только тогда сделал вдох – первый нормальный за последние минуты.

Он сел рядом, осторожно взял её за руку. Тёплые пальцы чуть дрожали, как листья после ветра.

– Всё будет хорошо... – пробормотал он, больше себе, чем ей. – Просто немного отдохни.

Миссис Ридс обернулась через плечо:

– Она придёт в себя. Я пошлю ворона к её отцу, пусть знает, что с ней всё в порядке.

Лайт кивнул. Он не хотел уходить. Не мог.

Сидел, глядя, как на щеке Миры медленно розовеет кожа, как дыхание становится ровнее. Внутри ещё бурлило – страх, вина, злость, – всё смешалось, но теперь поверх всего этого лежало одно простое чувство: ответственность.

Когда дверь открылась, он вздрогнул.

На пороге стоял Далон – высокий, крепкий мужчина с густыми сединой и усталыми глазами.

В руках – свиток с печатью миссис Ридс, тот самый, что прилетел вороном.

– Где она? – спросил он, даже не здороваясь.

– Здесь, – ответила Ридс, указывая на кушетку.

– Сотрясение лёгкое, опасности нет.

Далон подошёл ближе, и весь его гнев растаял, стоило взглянуть на дочь. Он опустился на колени, осторожно взял её руку и накрыл ладонью.

– Мира... девочка моя... – голос дрожал, – всё хорошо. Я здесь.

Она слабо пошевелила пальцами, едва слышно выдохнула:

– Папа...

И снова провалилась в сон.

Лайт отвёл взгляд. Ему стало неловко быть свидетелем этого – такой настоящей, тихой, почти святой сцены. В груди что-то кольнуло: тоска, зависть, боль – всё вместе.

Далон поднял глаза.

– Лайт, да?

– Да, сэр.

– Спасибо, что помог. – Он помолчал. – Она часто говорит о тебе. Говорит, что ты... настоящий.

Лайт не знал, что ответить. Только кивнул.

Миссис Ридс, заметив, как воздух в комнате стал тяжёлым, мягко вмешалась:

– Всё, господа, ей нужен покой. Мира отдохнёт пару часов – и всё будет хорошо.

Далон встал, кивнул в благодарность.

Лайт остался ещё на минуту.

Смотрел, как мягкий свет ложится на её лицо, как ресницы дрожат во сне.

– Мне пора, – сказал он тихо.

Он шагнул к двери, и Ридс добавила:

– Аллистер, скоро твоё испытание. Успей собраться с мыслями.

Лайт кивнул, не оглядываясь.

Когда он вышел наружу, воздух показался резким и свежим, почти колющим.

Он глубоко вдохнул.

Шум толпы, гул шагов, выкрики тренеров – всё звучало будто издалека. Но мысли уже не были разбросаны.

Он чувствовал спокойствие – то особое, что приходит, когда эмоции выгорели дотла.

– Всё будет хорошо, – сказал он тихо, больше самому себе. – Теперь – мой черёд.

Он провёл рукой по лицу, будто смывал остатки тревоги, и направился обратно к площади.

Толпа гудела, как пчелиный рой. Кто-то уже праздновал победу, кто-то тихо перевязывал плечо, кто-то просто сидел на каменной ступени, глядя в землю. Воздух был пропитан потом, пылью и напряжением.

Рейтар стоял на трибуне.

Голос его был как молот: спокойный, но тяжёлый.

– Осталось два участника, – сказал он. – Лайт Аллистер и Эрик Дьюран.

Шум сразу стих.

Кто-то прошептал:

– Это будет интересно.

Лайт поднял взгляд. Эрик уже стоял напротив – высокий, плечистый, собранный. Его взгляд был ледяным, точным, без лишних эмоций. Он выглядел как человек, который никогда не проигрывает.

– Последний бой на сегодня, – произнёс Рейтар. – Правила те же: никаких ударов по голове, никаких острых клинков. Только дубинки, посохи и открытые руки. Победа – по решению судьи или до потери боеспособности соперника.

Ветер прошелестел между ними, будто отсчитывая последние секунды.

Эрик сделал шаг вперёд, покачивая дубинку.

– Слышал, ты спас девчонку, – усмехнулся он. – Герой дня, да? Посмотрим, сколько геройства останется, когда тебя ударят в грудь.

Лайт ничего не ответил. Только выдохнул.

– Посмотрим.

– Начали! – рявкнул Рейтар.

Эрик атаковал первым – быстро, резко, с силой, будто хотел смести противника одним ударом. Лайт едва успел уйти в сторону, блокируя дубинку локтем. Удар отозвался болью, но тело двигалось само – привычно, точно.

Они кружили друг вокруг друга, ловя момент.

Эрик снова ударил, Лайт парировал, шаг вбок, уклон, короткий ответный выпад.

Деревянные дубинки сталкивались со звоном, будто сталь. Толпа гудела, Рейтар молчал. В груди у Лайта стучало не сердце – барабан.

Мысли скакали, но одна, самая тихая, пробилась сквозь шум: “Это больше, чем бой. Это проверка – кто я есть.”

Вдруг в висках зазвенело.

Мир будто стал медленнее.

Воздух сгущался, время растягивалось, звуки – глохли.

Он почувствовал – под кожей что-то движется. Не страх. Не злость. Сила. Тёплая, пульсирующая, будто молния в венах.

Глаза Лайта вспыхнули лёгким фиолетовым отблеском. На долю секунды, незаметно для других.

Эрик не успел понять, что произошло.

Лайт ударил.

Не сильнее обычного – но так точно, так быстро, будто само пространство помогло ему. Дубинка в руке Эрика вылетела, звук удара гулко разнёсся по арене.

Эрик согнулся, хватая воздух, упал на колени.
Рейтар поднял руку.

– Достаточно!

Пыль опустилась. Толпа молчала. Лайт стоял, тяжело дыша, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле. Он не радовался. Не праздновал.

Просто смотрел на Эрика – и видел в нём не врага, а зеркало.

«Каждый бой – это плата за правду. Только не всегда знаешь, сколько она стоит», – подумал он.

Рейтар подошёл ближе, бросил взгляд на землю.

Там, где Лайт ударил, остался едва заметный след – тонкая полоса, будто от молнии.
– Так вот она... – пробормотал наставник. – Его сила.
Он кивнул.

– Победитель – Лайт Аллистер.
Толпа загудела.

Алекс, стоявший у края арены, поднял руку и крикнул:

– Я знал, что ты сможешь, брат!

Лайт кивнул в ответ, но не улыбнулся.

Всё вокруг гудело – поздравления, шаги, голоса. Но для Лайта звуки будто шли сквозь стекло. Он не слышал ничего. Он пошёл обратно в медпункт.

Мира уже сидела на кушетке, бледная, но слабо улыбающаяся.

– Привет, победитель, – сказала она тихо. – Я видела твой бой.

– Ты в порядке? – спросил он, садясь рядом.

– Почти, – она улыбнулась чуть сильнее.

– Голова гудит, но жить буду.

Далон стоял рядом, руки на плечах дочери.

– Она останется здесь до завтра, – сказал он спокойно. – А ты иди. Тебе нужно поговорить с родителями.

Лайт кивнул.

Мира посмотрела на него долгим взглядом – благодарным, мягким.

Он хотел что-то сказать, но слов не нашлось.

– Отдыхай, – выдохнул он. – Завтра всё будет по-другому.

Он вышел.

Вечер был тихим. Небо светилось золотом и алым, воздух пах дымом и дождём.

Дорога к дому казалась длиннее обычного, но он шёл быстро, почти бегом.

Мысли путались. Предательство родителей. Сила, вспыхнувшая внутри. Мира, почти убитая. Он хотел ответов. Хотел объяснений. Хотел, чтобы всё наконец стало ясно.

Но когда на горизонте показался дом, его шаг замедлился. В воздухе пахло гарью. А потом он увидел дым. Тонкие струи поднимались в небо, темнея на фоне заката.

– Нет... – выдохнул он.

Он сорвался с места.

Пламя охватывало крышу. Доски трещали, дом стонал. Ветер гнал искры вверх, превращая их в дождь из золы.

– МАМА! ПАПА! – крик вырвался из груди, рваный, отчаянный. Ответа не было. Только рев огня. Он обежал вокруг. В глаза бил дым.

И вдруг – голос. Хриплый, сильный, из-за сарая:

– **ЛАЙТ! БЕГИ!** Голос отца. Элиот.

Лайт рванул туда. Пламя. Тени. Запах гари и крови.

Скарлет лежала на земле. Без движения.

– Мама... – прошептал он. – Пожалуйста... нет. Но холод кожи всё сказал без слов. Он услышал крик снова:

– Лайт! Это поглощённый! Уходи! Встретимся на пло... – Фраза оборвалась.

Лайт поднял голову – и увидел.

Тварь, сотканная из дыма и тьмы. Красные глаза, лезвие в руке. Оно стояло над Элиотом. И одним движением перерезало ему горло.

– Папа... – голос Лайта сорвался. – Нет...

Мир рухнул. Всё внутри сжалось, как перед бурей. Существо повернулось к нему.

– Значит, вот ты какой... дитя пророчества, – произнесло оно. Голос был не голосом – шёпот из темноты. – Мал, но не слаб. Жаль, что придётся убить.

Всё тело Лайта кричало от страха. Но в груди вдруг вспыхнуло – ярко, горячо. Не злость. Решимость. Молния прошла по венам. Воздух дрогнул. Он поднял глаза.

– Я не умру здесь, – сказал тихо. – Не сегодня. Существо усмехнулось.

В небе сверкнул свет – короткий, как вдох. И мир взорвался громом.

ГЛАВА 3. ПЛАМЯ И ПЕПЕЛ.

Пламя разрасталось, пожирая сарай.

Воздух был горячим, будто сам дышал болью, а в гулком реве пламени вдруг раздался другой звук – глухой удар, будто кто-то разорвал ткань тьмы.

Из огня шагнул старик.

Он двигался не спеша, но так уверенно, что время будто на миг остановилось. Между ним и тварью вспыхнула ослепительная искра – густо-синяя, с золотым отблеском. Воздух содрогнулся, и обоих отбросило в стороны.

Лайт едва не упал, прикрыв лицо рукой. Свет полоснул глаза, и даже сквозь пальцы он видел, как между вспышками мелькают тени – лицо демона, металл, и яркий посох в руках старика. Воздух был насыщен электричеством, трещал, как перед бурей.

Демон завыл. Его рев был нечеловеческим, пропитанным яростью. Он отшатнулся, закрывая глаза рукой, будто боялся света, а не удара. Меч его рассекал воздух вслепую, оставляя за собой следы света, как горящие трещины в темноте.

Лайт застыл. Сердце колотилось, как барабан, в груди гулко отзывался страх, но под ним уже шевелилась решимость – стоять, смотреть, понять, кто этот человек.

– Неужели ты думал, что мальчик останется без присмотра?! – голос старика перекрыл даже рев огня. Он звучал так, будто говорил не один человек, а сама буря.

Посох в его руках сиял, из кончика вырывались молнии – густые, голубые, с золотистым оттенком.

Лайт прищурился, пытаясь разглядеть лицо старика. Морщины. Глубокие, как трещины в скале. Каждая – след прожитых лет и пережитых битв.

Но глаза... глаза были живыми. В них горела сила, будто сама стихия выбрала себе сосуд. Радужка сверкала бледно-голубым светом, и в этом взгляде не было ни страха, ни сомнения – только концентрация.

Теперь, когда глаза привыкли к свету, Лайт смог рассмотреть старика полностью.

Он был высок, но не громоздок, сухощавый – из тех, кто не растерял силу с возрастом, а превратил её в точность. Лицо избородили морщины, будто кто-то вырезал на коже карту прожитых лет. Каждая черта несла в себе опыт, боль и спокойную уверенность.

Лысая голова отражала отблески огня, делая его похожим на древнего воина или монаха, прожившего сотни бурь. Высокий лоб, острые скулы, внимательные глаза – всё в нём говорило о человеке, который видел слишком много, чтобы удивляться.

На нём был тёмный плащ из плотной ткани. По краю – вышитые символы, потускневшие от времени, но всё ещё ощутимо живые, словно хранили память старых обетов. Под плащом – простая рубаша и штаны, удобные для движения. Ничего лишнего, ничего для показного эффекта.

Руки старика были жилистыми, кожа покрыта сетью вен. Эти руки могли и лечить, и убивать. Когда он сжимал посох, мышцы напрягались, но без суеты – каждое движение было точным, будто он не боролся с хаосом, а дирижировал им.

Лайт уловил странное ощущение: вокруг старика воздух казался плотнее, тяжелее. В нём щёлкали невидимые искры, как в грозовом небе. Даже запах изменился – к дыму примешалось что-то металлическое, острое, почти электрическое.

Старик шагнул вперёд – легко, без лишних усилий. Его движения были тихими, плавными, но в них чувствовалась мощь. Казалось, сама земля под ногами подстраивается под его ритм.

Ветер шевельнул подол плаща, и огонь, вместо того чтобы поглотить его, будто отступил.

Он выдохнул – спокойно, глубоко. С каждым движением, с каждым взмахом посоха свет в сарае будто подчинялся ему.

Когда молнии вспыхивали, казалось, что не старик держит посох, а сама стихия выбрала себе руку.

На мгновение всё замерло: демон – огромный, тёмный, почти бесформенный – и человек, окружённый светом.

Но именно человек казался центром этой бури.

Старик шагнул вперёд.

Демон двинулся навстречу – огромная тень, чьи движения были тяжёлыми, как раскаты грома. Воздух между ними звенел, словно натянутая струна.

Старик поднял посох. На миг всё стихло. Потом – первый удар.

Посох сверкнул, воздух дрогнул, и вспышка света разорвала темноту. Молнии сорвались с кончика, рассекали дым, отразились в глазах демона. Лайт отшатнулся, прикрывая лицо рукой, но не смог отвести взгляд.

Демон рыкнул, размахивая мечом. Удар – и в воздухе вспыхнули искры, будто столкнулись металл и гром. Старик уклонился, скользнул в сторону с лёгкостью, которой не ждёшь от человека его возраста. Посох описал дугу и врезался в плечо чудовища. Воздух вспыхнул электрическим светом.

– Уходи туда, откуда пришёл! – голос старика был как раскат грома, будто само небо произнесло эти слова.

Демон заорал, отбросив посох в сторону, но тот вернулся в руку старика, словно был живым.

Каждый удар становился точнее, каждое движение – быстрее. Вокруг них закружились искры, будто мелкие звёзды.

Лайт видел, как старик двигается – не рубит, не машет, а танцует. Всё точно, с холодным расчётом. Посох ударял, молнии вспыхивали, тьма отступала.

Демон ревел, пытался контратаковать, но его сила выглядела грубой, бездумной, а старик – наоборот – был чистым контролем.

Когда когти демона задела руку старика, по коже выступила кровь, но он не замедлился. Только сильнее сжал посох и ударил вновь – в грудь, потом в колено, потом вверх, прямо в голову.

С каждым ударом воздух вибрировал, как барабан перед бурей.

Последний взмах был почти беззвучным.

Посох вспыхнул – и ослепительный свет заполнил всё пространство. Пламя вокруг погасло.

Тишина.

Только треск углей и слабое дыхание.

Лайт упал на колени. Его швырнуло ударной волной, затылок встретился со столбом, но он всё равно смотрел – сквозь боль, через дым, через остатки света.

Старик стоял посреди пепла. Спина прямая, дыхание ровное. Посох мерцал, будто внутри него ещё жила буря, сдерживаемая усилием воли.

Тело демона дрогнуло, осыпаясь.

Чёрная масса рассыпалась в пепел, и тот поднялся вихрем, закружившись, будто кто-то невидимый вздохнул. В воздухе запахло озоном и гарью.

На лице старика не было ни триумфа, ни страха – только усталость.

Он стоял среди тишины, как человек, который знает: победа – это не конец, а просто передышка.

Волна света ударила с силой бури.

Лайта отбросило назад – воздух вырвало из груди, голова стукнулась о деревянный столб, и мир вокруг в одно мгновение рухнул.

Он видел – или ему только казалось – как старик стоит посреди пепла, держа посох обеими руками. Вокруг него всё ещё полыхали всполохи молний. Свет сжимался в одну точку, словно возвращался обратно в землю.

А потом – тьма.

Пламя исчезло, воздух стал вязким и глухим, будто кто-то выдернул звук из мира.

Лайт чувствовал, как сердце бьётся неровно, будто сбилось с ритма. Тело онемело, руки не слушались. Мир вращался, сжимаясь в узкий туннель.

В нём мелькали обрывки – лицо старика, посох, вспышка, рёв демона, и снова свет, слишком яркий, чтобы смотреть.

Он падал.

Падал в темноту, где не было ни земли, ни неба. Только горячий ветер скользил по коже, шепча что-то непонятное.

А потом – ничего.

Он очнулся от запаха.

Травы. Горькие, тёплые, с оттенком меда и дыма. Воздух был густой и странно сладкий. Лайт медленно открыл глаза и моргнул.

Над ним – потолок из старых деревянных балок.

Свет пробивался через тонкие занавески, ложась на пол золотыми полосами. Комната была небольшая, уютная. Воздух дышал покоем.

Он попытался приподняться, но мышцы будто налились свинцом. Голова гудела, в висках пульсировала боль. Рука машинально потянулась к затылку – под пальцами бинт, чуть влажный от мази.

Лайт огляделся. На столе – склянки с жидкостями, травы, аккуратно сложенные связки листьев. Всё было так аккуратно, что даже пыль лежала ровным слоем.

В углу – пара глиняных горшков с живыми растениями, излучавшими мягкий аромат.

Он попробовал сесть – и едва не выругался. Тело ныло, дыхание сбивалось. Но главное – он не понимал, где находится.

Мысли путались, сердце било тревогу. Он вспомнил огонь, демона, старика... и вдруг понял, что жив.

Дверь распахнулась.

На пороге стояла женщина – лет тридцати с небольшим, с чётким взглядом и лёгкой улыбкой, которую прятала строгость. Белая рубашка, длинная серая юбка, яркий красный платок, полностью скрывавший волосы. От неё пахло травами и дымом – тем самым запахом, что впитал воздух комнаты.

– И куда это ты собрался? – строго сказала она, подбоченившись. Голос был уверенный, тёплый и властный.

– Тебе нельзя вставать. Голова после удара – не шутка.

Лайт замер, ошарашенно глядя на неё. Несколько секунд он просто молчал, потом хрипло спросил:

– Кто вы? Где я?

– Меня зовут Кара, – спокойно ответила женщина. – Это мой дом. Я травница. Лечу тех, кто приходит ко мне живыми. Иногда – тех, кого приносят почти без сознания. Как тебя.

Она подошла ближе и поставила на тумбу чашку, из которой поднимался пар.

– Пей, – сказала она просто. – Отвар для восстановления сил.

Лайт посмотрел на чашку, потом на неё.

– А вдруг ты меня отравила? – сказал он, стараясь скрыть нервный смешок.

Кара прищурилась.

– Конечно, – усмехнулась она.

– Вылечила, перевязала, положила на чистую постель... чтобы потом отравить. Пей, не выдумывай.

Он осторожно сделал глоток.

Напиток был горький, но через несколько секунд по телу разлилось приятное тепло.

Боль в голове стала тише. Дыхание выровнялось.

– Тебя принёс мой старый знакомый, – сказала Кара, убирая со стола травы. – Он скоро вернётся. Всё объяснит. А пока – отдыхай. Лайт хотел возразить, но слова застряли. Впервые за долгое время ему не хотелось спорить. Он просто закрыл глаза и позволил себе дышать.

Когда Лайт очнулся снова, солнце уже клонилось к закату. В комнате царил полумрак, только в углу мерцала масляная лампа. Голова гудела, но боль отступила, оставив лишь лёгкую тяжесть.

Он осторожно сел, придерживая бинт на затылке. Дом казался тихим – слишком тихим. Но за дверью доносились голоса. Мужской – ровный, уверенный. Женский – напряжённый.

Лайт встал, босыми ногами ступая по прохладному полу, и подошёл к двери.

Щель между створками позволяла видеть лишь часть гостиной, зато слышно было всё.

– Они устроили засаду, – сказал мужчина. Его голос был хрипловатый, но в нём звучала сталь.

– Трое напали на меня у самой фермы, чтобы отвлечь. А пока я с ними возился, четвёртый прорвался к дому. Если бы я опоздал, мальчик не выжил бы.

– Значит, это правда... – тихо ответила Кара. В её голосе звучал страх, но и неверие. – Белэтт вернулся?

– Нет, – коротко бросил мужчина. – Если бы вернулся он, не осталось бы ни фермы, ни деревни. Это лишь тень его силы. Но даже тень – смертельно опасна.

Он сделал паузу. Лайт почувствовал, как по спине пробежал холод.

Только теперь он понял – это был тот самый старик.

– Мне пришлось использовать всё, что я знал, – продолжал Анак. – И всё же... этих “поглощённых” становится больше. Если Белэтт действительно ослабил печать, скоро нам некуда будет бежать.

Кара медленно выдохнула.

– А мальчик?

– Он не просто ребёнок, – ответил Анак тихо.

– Старый друг просил спрятать его, когда ему и двух лет не было.

Я тогда не знал, почему. Теперь понимаю.

Он – потомок Каэла.

Эти слова ударили, как молния.

Лайт отпрянул от двери, сердце билось где-то в горле.

Потомок Каэла? Что это значит? Почему они говорят о нём, как о ком-то чужом?

– Выходи, Лайт, – вдруг сказал Анак, не повышая голоса.

Он вздрогнул.

Как будто старик чувствовал его присутствие с самого начала. Дверь скрипнула, и Лайт медленно шагнул в комнату.

Анак стоял у стола. На нём – карта, свитки, металлический амулет.

Кара стояла чуть позади, прижимая к груди полотенце, словно это могло защитить.

– Собирайся, – сказал Анак, не теряя спокойствия. – Мы уходим. Здесь небезопасно.

– Куда? – спросил Лайт.

– Туда, где нас не найдут.

– А мои родители? – голос дрогнул. – Где они?

Анак опустил глаза.

– Прости. Они погибли. Защищая тебя.

Лайт замер. Мир вокруг словно стал беззвучным. Только биение сердца. Он не поверил сразу – слова прошли мимо, как сквозняк.

– Нет, – выдохнул он. – Нет...

Анак хотел что-то сказать, но не успел. В глазах Лайта сверкнула фиолетовая вспышка.

Кара отпрянула, а старик лишь нахмурился.

– Вот значит, как они тебя нашли, – произнёс он тихо. – Твоя сила проснулась.

Воздух в комнате стал плотным. Молния на миг мелькнула по руке Лайта, но тут же исчезла. Он стоял, сжав кулаки, глаза горели.

– Я должен их похоронить, – сказал он хрипло. – Сейчас же.

– Нет времени, – ответил Анак. – Если мы задержимся, они вернуться.

– ИХ НУЖНО ПОХОРОНИТЬ! – крикнул Лайт так, что стены задрожали.

Молния полоснула по ручке двери – металл зашипел и покраснел. Лайт отдернул руку, поражённый, но не испуганный. Анак взглянул на него внимательно, почти с печалью.

– Ладно, – сказал он наконец.

– Пойдём. Но после этого – слушаешься меня.

Лайт кивнул.

Он не чувствовал ног, не чувствовал боли. Только одно желание – увидеть родителей.

Дорога до фермы заняла полчаса. Луна висела над лесом, бледная и чужая.

Ни один зверь не издал звука. Когда они вышли на поляну, где стоял дом, Лайт замер. От фермы остались только угли. Запах гари стоял густой, как дым в кузне.

– То, что ты увидишь, будет тяжело, – сказал Анак тихо. – Они сильно обгорели.

– Я пришёл не смотреть. Я пришёл прощаться, – ответил Лайт.

Он вошёл в сарай. Огни его сознания словно погасли – остался только холод. Тела родителей лежали рядом, обгоревшие, неузнаваемые. Запах... горький, металлический, режущий. Его вырвало. Но слёз не было. Только пустота. Он молча взял лопату.

Анак хотел помочь, но Лайт сказал:

– Не надо. Это мой долг.

Старик молча сел на обугленный забор и наблюдал.

Звёзды медленно выползали на небо. Земля поддавалась тяжело, и каждый удар лопаты звучал, как глухой стон.

Когда ямы были готовы, они вместе перенесли тела, обернув их тканью.

На ткани старик написал два имени: **Элиот** и **Скарлет**.

Лайт опустил их в землю, засыпал глиной, потом встал.

Молча. Без слов. Он хотел сказать что-то – хоть что-то, но не смог. В горле стоял ком, а руки дрожали.

– **ВЫ КТО ТАКИЕ?!** – Голос разорвал ночь, как выстрел.

Из-за деревьев вышел человек в плаще. В руке – меч, остриё отражало свет луны.

Он шёл быстро, шаги были точными, глаза – холодными.

– Что вы делаете на ферме Аллистеров?! – рявкнул он, вскидывая меч.

Лайт отпрянул, подняв руки.

– Подожди! Я... это мой дом!

Но в глазах незнакомца не было ни жалости, ни сомнения – только долг и подозрение.

Анак оттолкнул Лайта – коротко, жёстко, без объяснений – и воздух словно вспыхнул под ладонью. Искры разлетелись веером, голубые вперемешку с золотыми, цепляясь за кору деревьев и исчезая, будто их проглотила ночь.

Посох в руках Анака жил своей жизнью: шаг – перенёс вес, уклон – как будто заранее знал, где окажется клинок противника. Слева – ложный выпад, снизу – резкий взмах, который должен был сбить нападающего с ног. Но тот уходил на полшага раньше, чем удар завершался, мягко перетекая с пятки на носок, словно танцуя в чужом ритме.

Ещё попытка – сверху, в лоб. Ещё уход – на толщину волоса. Лайт чувствовал, как гул поднимается к горлу: каждый раз Анак опережал, а всё равно не доставал. Лоб у старика блестел потом, движения оставались собранными, голос – ровным, но в глазах не было усталости, только колючая концентрация. Он не бил – считывал. И не находил.

– **ХВАТИТ!** – разрезал тишину знакомый голос.

Лайт застыл. Он узнал тембр прежде, чем мозг успел подобрать имя.

Мечник опустил клинок и шагнул в свет луны.

– Почти двадцать лет, Анак, – произнёс он спокойно, – а ты всё ещё не можешь до меня дотянуться.

– А ты – до меня, брат, – ухмыльнулся Анак, и плечи у него на миг расслабились.

Улыбка вышла лёгкой, но глаза настороженными так и остались.

Лайт переводил взгляд с одного на другого. Синхронные дыхания. Едва заметные кивки. Одинаковая пустая стрижка и одинаково упёртые челюсти. «Братья... оба лысые, оба старые вояки», – мелькнуло у него. Но за шуткой пряталась правда: между ними натянута невидимая струна.

– Анак, что здесь произошло? – спросил мечник уже без улыбки.

– Полдеревни твердит, будто какой-то лысый с посохом никого не пустил на ферму Аллистеров. Говорят, её жгли солдаты Валемнии.

– И я, по-твоему, должен был сообщить им вот так, с площади, – Анак шагнул ближе, – что сюда пришли четверо поглощённых за дитём пророчества, не нашли его, и в отместку вырезали родителей и сожгли дом?

Слова легли в лес глухим слоем, будто поверх пепла выпал ещё один. Листья вздрогнули от лёгкого ветра – и стихли.

– Людям нужна правда, – жёстко ответил мечник, делая ещё шаг. – Или ты забыл?

Прежде чем Анак ответил, от тропы, по которой пришли они с Лайтом, полыхнуло красным. Земля под ногами пошла рябью, листья сорвались в круговорот, время на секунду сжалось в узел. Лайт почувствовал, как жар ударил в грудь, и в глазах – короткая фиолетовая молния.

Анак успел заметить.

– Лайт, ко мне! Возьмись за посох! Рейтар, ты тоже! – рявкнул он.

Имя будто щёлкнуло за пазухой: мечник – Рейтар. Лайт на долю мгновения замялся, но пальцы сами потянулись к древку. Пульс сорвался с места. Он ухватился. Рука Рейтара легла выше.

Бело-синий свет сомкнулся вокруг троих, пошёл волнами – и мир вывернуло.

Свет ударил волной – и их вышвырнуло на опушку. Перед ними пылал дом Кары: стекло в окнах плыло, балки трескали, дым катился по двору тяжёлыми клубами. Жар бил в лицо, как от кузнечного горна.

– Я здесь! – голос Кары прорезал треск огня.

Она вышла из дымного проёма – живая, целая, с двумя кинжалами в руках. Платок сорван, волосы – огненной гривой. Одежда местами тлела, но не прожигала кожу, будто огонь её признавал.

– Держусь. Разберёмся, – коротко бросила она, глянув на троих.

Первый поглощённый рванул из-за сарая. Кара метнула кинжал – клинок прошил воздух, оставив огненный след, и врубился в грудь. Враг качнулся, захрипел, но устоял.

– За нас – прячься! – рявкнул Рейтар, занимая стойку.

Лайт метнулся ему за плечо. Сила внутри шевельнулась – не как вспышка, а как тёплый ток под кожей.

Из тени вышли ещё четверо. Пятеро в сумме.

И один – выше остальных на голову: широкие наплечники, двуручный топор, тяжёлое дыхание, как у мехов в кузнице. Он не спешил. Он смотрел.

– Здоровяк – мой. Остальных – возьмите, – бросил Анак, перехватывая посох.

Пятеро двинулись разом. Лес ответил эхом стали.

Рейтар сорвался вперёд. Движения – низкие, экономные, будто его толкала сама земля. Первый поглощённый атаковал сверху – Рейтар ушёл полшага назад, провёл клинком снизу вверх, не задев шею, но срезав замах. Искры щёлкнули и погасли в воздухе.

Второй с фланга – клинки звякнули, Рейтар отбил, подался корпусом вперёд и кончиком меча ткнул в плечевой сустав. Тот выронил оружие и осел, пытаясь понять, чем именно его ударили.

Лайт ловил ритм, как музыку: вдох – шаг – удар – тишина. И снова. Казалось, Рейтар не рубит, а смещает людей по невидимой диаграмме.

Кара ушла к правому краю, забирая двоих на себя. Кувырок – и огненный клинок врезался между щитом и латой. Второй удар пришёлся в бедро следующего – резкий, точный, без замаха. Она не задерживалась рядом: каждый раз, коснувшись, ускользала, будто её тянула за талию невидимая струна. Лайт видел, как она дышит носом коротко и тихо, чтобы не расплескать внимание.

Слева загрохотало – это Анак сошёлся с командиром.

Посох стучал часто, как палочки барабанщика: по рукам, по рёбрам, по ключицам. Здоровяк принимал в корпус, почти не защищаясь. Он был медленнее, но на каждую серию отвечал одним ударом, от которого воздух делался тоньше. Глухой звук, словно по дереву колотят чугуном.

– Не лезь, – бросил Рейтар через плечо. Это Лайту – тот уже шагнул вперёд.

– Стою, – выдавил он, чувствуя, как пальцы зудят от силы, которой он пока не умеет управлять.

Один из рядовых всё же прорвался. Замах – слишком широкий; Рейтар вошёл в шаг, упёрся плечом в грудь, развернул врага корпусом и плашмя клинка выбил ноги. Тот рухнул, как мешок с зерном.

Пламя лизало стены, дым крошил горло. У двора стало жарко, как на полуденном поле, и от этого всё слышалось чётче – удары, вдохи, скрип ремней.

Командир вдруг поймал момент: левой рукой ухватил Анака за горло и поднял на вытянутой. Посох звякнул о камни и отлетел в сторону. Пальцы поглощённого сжались, и звук стал неприятно влажным.

– Отпусти! – Кара уже была рядом.

Два удара в спину – быстро, почти беззвучно. Командир рванул плечами, как бы страхи-вая жалящих ос. Анак полетел в дерево, ударился, сполз – мир у него погас на секунду.

Командир повернулся к Каре. Она осталась на ногах, но приблизилась слишком близко – расстояние, где важнее не сила, а рефлекс.

Она ударила – под рёбра, чуть выше. Он взвыл, но схватил её левое запястье. Хруст был короткий, сухой. Лайт содрогнулся, будто ломнули его собственные кости.

Головой – в переносицу.

Кровь брызнула. Кара качнулась, но попыталась повернуться – поздно. Он выдрал кинжал из её правой руки и загнал ей под рёбра до упора.

Всё произошло в одну секунду. Ещё секунду никто не шелохнулся. Лайт успел увидеть её глаза – широкие, ясные, без страха, но уже далеко.

Командир дёрнул клинок обратно. Кара осела. Земля под ним потемнела.

– Нет, – сказал Лайт, не то вслух, не то себе. Горло сжало, пальцы содрогнулись – по коже пробежала фиолетовая искра.

Командир наступил на её голову. Короткий, зверский жест.

Мир встал. Шум боя исчез. Осталось собственное дыхание.

Здоровяк развернулся к Лайту. Шёл не торопясь, позволяя страху догонять. Топор на низкой траектории чертил по воздуху тяжёлую дугу.

Лайт не шелохнулся. Страх не ушёл – просто отступил вглубь. На поверхность поднялось другое: горячее, стянутое, как тетива. В висках – глухой удар, под кожей – ток.

– ЛАЙТ! – крик расколол вязкую тишину.

Рейтар вылетел как можно быстрее. Клинок сверкнул и встретил рукоять топора.

Удар – как выстрел. Здоровяк качнулся, и этого хватило, чтобы вернуть миру звук.

– Держись за меня, – коротко бросил Рейтар, не оборачиваясь. – Дыши. Ровно.

Лайт кивнул, хотя тот этого не видел.

Рейтар пошёл в резкую серию: сбил топор с линии, сковал лезвие, провернул кисть – и уже в упор, под грудные пластины, вонзил сталь. Тело поглощённого затряслось; из раны хлынула тёмная, густая жижа. Он попытался рубануть сверху, но Рейтар ушёл на дугу, рывком выдернул клинок и добил – коротким, злым, в сердце.

Командир осел. Лес выдохнул. Бой оборвался.

Огонь ещё потрескивал на стенах, но в воздухе уже не было жизни – только запах крови и горелого дерева. Дым поднимался в небо медленно, вязуще, и всё вокруг казалось нереальным, будто сцена из чужого сна.

Кара лежала на земле, неподвижная.

Её глаза смотрели в никуда, лицо – искажённое болью, но в этом было странное достоинство, как будто она умерла стоя, просто тело опоздало. Пепел прилип к её коже, волосы спутались с кровью, и даже ветер обходил это место стороной.

Рейтар стоял рядом, опершись на меч.

Дыхание тяжёлое, плечи осели, руки дрожали. Он не пытался вытереть кровь, просто смотрел в пустоту – туда, где только что был враг.

Анак сидел у дерева, посох покачивался в его пальцах. Он не двигался, не моргал, только сжимал древко, будто от этого зависело равновесие мира.

На его лице не было выражения – ни боли, ни злости, только усталость, старая и тихая, как после долгого пути.

Лайт стоял посреди поляны.

Пепел ложился на волосы, на руки, на лицо, оставляя белёсые следы. Он чувствовал, как хрустит обугленная трава под ногами. Мир замер. Он смотрел на Кару и не мог поверить.

Слёзы не шли – только ком в горле, будто кто-то камень туда положил. Он опустился на колени, коснулся её плеча. Кожа холодная. Пальцы дрожали, и в ладони ещё чувствовалось лёгкое покалывание – остаток силы, что вспыхнула в нём, когда он видел, как её убивают.

Свет под кожей мелькнул и погас. Лайт смотрел на свою ладонь и шептал:

– Почему я? Почему не она?..

Ответа не было.

Только ветер прошелестел в листве и поднял в воздух пепел.

Он кружил вокруг, как рой светящихся точек, и казалось, будто лес сам хоронит павших.

Лайт не выдержал – слёзы прорвались. Горячие, обжигающие, не от горя даже, а от беспомощности.

Рейтар подошёл. Не сказал ни слова – просто положил руку ему на плечо.

Жест был простым, но в нём было всё: утрата, поддержка, и понимание того, что плакать – это не слабость.

Анак, по-прежнему молчаливый, кивнул – коротко, будто разрешая им обоим просто быть живыми.

Лайт поднял голову. Небо над ними уже очистилось, только дымная полоса тянулась вдаль.

Высоко, над тьмой, мерцала одинокая звезда. Холодная, но упрямая. Он смотрел на неё долго, пока дыхание не стало ровным. Боль не ушла, но изменилась. Она стала стержнем, тяжёлым, но надёжным.

Лайт медленно поднялся.

Пепел сыпался с одежды, как старая кожа. Он провёл рукой по глазам, вдохнул глубоко и сказал почти шёпотом:

– Я помню.

Эти два слова прозвучали как клятва. Не для других – для себя.

ГЛАВА 4. ПУТЬ К ГРОЗЕ.

Туман тянулся над землёй, цепляясь за корни и сухую траву. Воздух был влажным, пах пеплом и холодом. На месте дома Кары чернело пятно пожарища, а посреди него медленно догорал костёр. Пламя шептало, вырывая из пепла последние клочья дыма.

Рейтар стоял рядом, освещённый отблесками огня. На лице – ни злости, ни жалости, только выжженная усталость.

– Зачем ты её сжигаешь? – спросил он глухо. Голос будто сам боялся вырваться наружу.

Анак не отвёл взгляда от костра. Тени плясали по его лицу, делая морщины глубже, взгляд – тяжелее.

– Там, откуда она родом, так принято, – ответил он тихо.

– Верят: прах, разлетаясь, находит своих. И тогда они идут вместе – туда, где нет боли.

Он говорил медленно, будто боялся спугнуть утреннюю тишину. Лайт стоял чуть позади, молча смотрел на языки пламени. Они били вверх, как живые, но тепла он не чувствовал. Внутри всё окаменело. Смерть Кары, родителей, всё, что случилось за последние дни, – сплывилось в один немой ком.

– Пора, Лайт, – сказал Анак, резко отведя взгляд. Плащ хлестнул по траве, сбивая росу.

– Дальше путь длинный. Пока не потеряли ещё кого-нибудь. Рейтар помог Лайту подняться.

– Я провожу вас, – коротко сказал он.

Парень хотел что-то ответить, но ноги под ним дрожали.

– Иди первым, – добавил он хрипло. – Мы через пару минут.

– Хорошо. Девяносто шагов впереди. Не отставайте, – Анак бросил последний взгляд на костёр и растворился в сером мареве леса.

Лайт долго стоял, слушая, как догорает дерево. Треск углей напоминал дыхание.

– Куда мы идём? – спросил он наконец. Голос хрипел, будто говорил не он, а кто-то внутри.

– Анак объяснит, – ответил Рейтар и двинулся вперёд. Лайт пошёл следом, чувствуя под ногами хруст обгорелых веток.

Лес оживал неохотно. Где-то крикнула птица, с ветки капнула вода. Но для Лайта всё оставалось будто в сером стекле.

– Нам бы поесть, – выдавил он наконец.

– Через волчьи ямы пройдёте – там и поохотитесь, – сказал Рейтар. Он снял с плеча сумку, достал флягу, мешочек со специями и протянул Лайту.

– Провизия. И это, – он подбросил плотный кошель. Звон монет глухо прозвенел в утреннем воздухе.

– Сто золотых. Не трать по-глупому.

Он достал ещё один предмет – длинный свёрток в кожаных ножнах.

– И это... от меня.

Лайт развязал ремень. Сталь блеснула в слабом свете – знакомый клинок защитника деревни. Тот, о котором он мечтал с детства. Он сжал рукоять, чувствуя холод металла.

– По-вашему... я сдал экзамен? – спросил он, и уголки губ дрогнули – то ли усмешка, то ли попытка не заплакать.

Рейтар посмотрел на него внимательно. Морщины у глаз смягчились.

– Экзамен проверяет не руки, а хребет, – сказал он.

– Не сбежал, не сдался, стоишь на ногах. Значит – прошёл.

Он положил руку Лайту на плечо.

– Ты заслужил этот клинок. Лайт кивнул.

– Спасибо, мастер Рейтар.

Они шли вглубь леса. Туман редел, солнце пробивалось сквозь ветви бледными полосами, пахло влажной землёй и дымом. Лайт шёл молча, глядя под ноги. Слова Рейтара о “прошедшем экзамене” всё ещё гудели в голове, будто эхо далёкого боя.

– Вы... знали, что я приёмный? – спросил он вдруг, не поднимая взгляда.

Рейтар шагал чуть впереди.

– Конечно, знал. Это мой брат привёл тебя в деревню. Я предложил оставить тебя у хорошей семьи. Под присмотром.

Слова ударили тише, чем выстрел, но сильнее. Лайт остановился.

– Значит... вы знаете, кто мои настоящие родители?

Рейтар покачал головой.

– Нет. Анак сказал, что лучше не знать. Ради твоей же безопасности. Когда такое говорит член Состава Двенадцати... ему стоит верить.

– Анак в Составе Двенадцати? – Лайт не поверил ушам.

– Был, – кивнул Рейтар. – Пятнадцать лет назад ушёл. Без следа.

Они прошли ещё несколько шагов в тишине. Только хруст веток под ногами.

– Тогда скажите, – нарушил молчание Лайт.

– Что произошло этой ночью? Кто были те... поглощённые?

Рейтар посмотрел на него через плечо.

– Ты уже знаешь больше, чем большинство солдат. Поглощённые – воины Белэтта. Но не живые. Они держатся на остатках духа, пока не найдут источник новой силы.

– Отец рассказывал... – Лайт нахмурился.

– Про Белэтта и Сына Молнии. Про пророчество. Но это же сказки. Если верить им, Анак и есть тот самый Сын Молнии. Он ведь владеет молнией.

Рейтар хмыкнул.

– Нет, мальчик. Анак – сильный воин, но сила, что ты видел, не его. Это посох.

Любое оружие стихий берёт силу из владельца. Чем крепче дух – тем дольше она держится. Но предел есть у всех.

Он поднял ветку, отбросил её в сторону.

– Анак может сделать пару молниеносных рывков – потом истощается.

Кара держала пламя на кинжалах десять минут – не больше. Отдых, пища, сон – вот как возвращается энергия. Их возможности велики, но не бесконечны. Мы называем эту энергию – силой духа

– А я? – тихо спросил Лайт. – У меня нет посоха, но... всё это происходит само.

– Вот именно, – сказал Рейтар и обернулся.

– Твоя сила не в оружии. Она в тебе. Ты не сосуд. Ты – источник.

Лайт остановился, будто наткнулся на стену.

– Я не понимаю.

Рейтар вздохнул.

– Оружие – проводник. Оно направляет силу духа в стихию. Но твой дух сам создаёт стихию.

Понимаешь разницу?

Он достал свой меч, показал эфес. На ножнах тускло сверкнули три камня.

– Видишь эти камни? Это резервуары. Я накапливаю в них силу – месяцами. Потратить можно за секунды. Так воюют обычные бойцы. Хотя мой меч не совсем простой. В моих руках он лёгкий как перо, и всегда заточен – это его особенность. Я в отличии от Анака – использую оружие стихии земли. Мы черпаем из колодца, что может опустеть.

Он убрал меч и посмотрел на Лайта почти с жалостью.

– А твой колодец не имеет дна.

– Почему?

– Не знаю. Может, потому что ты – не просто человек. Может, потому что ты первый.

Они шли дальше. Лес потемнел, ветви сплетались над тропой.

– Один человек не может владеть двумя стихиями, – продолжил Рейтар.

– Так устроен дух. Попробуешь взять вторую – силы смешаются и разорвут тебя изнутри.

Один воин – одна стихия. Но две вещи одной стихии можно сочетать.

Он улыбнулся, вспоминая.

– У нас в Дюжине был Фенрис. У него был лук ветра. Без тетивы. Он натягивал воздух, и стрелы из сжатого ветра сбивали врагов с ног. В другой руке он держал топор.

Каждое движение разрезало воздух, и этот разрез резал плоть ещё секунду после удара.

Оба оружия подчинялись ветру – поэтому он жил. Попробовал бы взять мой меч земли – и стал бы прахом.

Он хлопнул ладонями – сухо, коротко.

– Печальный фейерверк.

Лайт невольно улыбнулся.

Рейтар чуть смягчил тон:

– Всё зависит не от стали, а от воли. Тот же посох Анака в чужих руках едва бы искрил. Кинжалы Кары без неё – просто клинки. Одно и то же оружие – разные руки, разные судьбы.

Он сделал паузу.

– А ты, Лайт... не нуждаешься в проводнике. Вот что пугает их всех.

Некоторое время они шли молча. Лес вокруг становился светлее, но воздух оставался тяжёлым, как перед грозой.

Лайт всё переваривал услышанное, будто слова Рейтара не ложились в голову, а проходили сквозь, оставляя за собой гул.

– Вы сказали... я – первый, – произнёс он тихо. – Что это значит?

– За последнюю тысячу лет рождались воины, – начал Рейтар, – в ком дух был сильнее обычного. Они управляли стихиями без особых артефактов, но всё равно нуждались в их силе. А таких, кто творит стихию изнутри, – не было. Никогда.

Он остановился, достал из-за пояса камень и подкинул его на ладони.

– Ингрид из Валеинии могла руками формировать расплавленный металл.

Старейшина Норрин из Наралии замораживал волны в воздухе.

«Безликий» страж из Тарнии поднимал камни, как щиты. Все они – дети своих стихий.

Но ты, Лайт, – первый, кто рождён молнией.

У Лайта пересохло во рту.

– Я? – он засмеялся, но звук получился нервным, ломким. – Это... бред. Я обычный парень. Я боюсь грома!

– Бояться можно и силы, и судьбы, – спокойно ответил Рейтар.

– Но отрицать – бесполезно.

– Вы ошибаетесь! – выкрикнул Лайт. – Если бы это было правдой, я бы знал!

Почему никто не сказал?! Почему меня держали в неведении?! Почему... почему они умерли, пока я даже не понимал, кто я?!

Голос сорвался на крик. Эхо ушло вглубь леса и вернулось глухим откликом.

– Послушай, мальчик... – начал Рейтар, но Лайт не дал ему закончить.

– Нет, вы послушайте! – он шагнул вперёд. – Если я и вправду этот “Сын Молнии”, то я имею право знать! И право кричать!

Рейтар сузил глаза.

– Хорошо, – сказал он и метнул камень.

Камень летел прямо в лицо Лайта. Время вдруг стало густым, как сироп.

Он успел повернуть голову, уклониться. Видел каждую царапину на поверхности, видел, как капля влаги срывается с его края. Камень пролетел мимо и ударился о что-то позади. Послышался короткий стон.

Лайт резко обернулся.

– Вы могли выбить мне глаз! – взревел он.

– Если бы хотел – выбил бы, – холодно ответил Рейтар.

– Я целился не в тебя. – Он повернул голову в сторону кустов. – Правда ведь, мистер Грин?

Из орешника поднялся Алекс, потирая бок и виновато морщась.

– Ай... не думал, что вы так метко швыряете.

– Алекс?! – Лайт не поверил глазам. – Что ты здесь делаешь?!

– Я... – парень почесал затылок. – Когда услышал, что вашу ферму сожгли, не смог сидеть. Увидел вспышку, костёр, потом следы. Пошёл за вами.

– И слышал разговор, – уточнил Рейтар, скрестив руки.

– Не весь, – поспешно сказал Алекс. – Отрывками. Но... достаточно, чтобы понять, что творится что-то серьёзное.

Лайт выдохнул, устало улыбнулся.

– Ты дурак, – сказал он тихо, но в голосе звучала благодарность.

– Самый упрямый дурак на свете.

– Возможно, – усмехнулся Алекс. – Но я не собирался бросать тебя одного.

Рейтар перевёл взгляд с одного на другого, потом коротко кивнул.

– Значит, пойдёшь с ним.

– Что? – одновременно сказали оба.

– Ему можно доверять, – пояснил Рейтар.

– А тебе, Лайт, не помешает тот, кто напомнит, что ты не один. В пути это важно.

Лайт нахмурился.

– Я не хочу втягивать его в это. Уже достаточно жертв.

Алекс шагнул ближе.

– Не ты втягиваешь. Я сам иду. Мы ведь мечтали об этом – увидеть мир, попасть в Состав Двенадцати. Вот и шанс.

– Весело, да? – горько усмехнулся Лайт.

– Мои родители мертвы. Хочешь повторить?

Алекс опустил глаза.

– Прости. Я не подумал.

Рейтар вмешался мягко, но твёрдо:

– Лайт, друг рядом – это не слабость. Иногда это единственное, что удерживает нас от тьмы. Не отталкивай его.

Лайт посмотрел на Алекса. Тот стоял прямо, несмотря на испуг, и в глазах у него горел тот самый наивный огонь, которого самому Лайту сейчас не хватало.

Он кивнул.

– Хорошо. Но если что – слушай меня.

– Договорились, – улыбнулся Алекс.

Рейтар протянул ему свой меч.

– Возьми. Путь будет опасным.

Алекс вытянул руки, но едва коснулся рукояти – меч потянул его вниз, будто налился камнем.

– Он... тяжёлый... – прохрипел он, с трудом удерживая клинок.

– Он тебя испытывает, – спокойно сказал Рейтар.

– Не заставляй – попроси.

Алекс закрыл глаза, глубоко вдохнул. Через миг меч перестал тянуть. Вес остался, но стал послушным, как продолжение руки.

Он поднял его, медленно провёл в воздухе, и лезвие описало ровную дугу.

Получилось...

– Вот и хорошо, – сказал Рейтар с лёгкой улыбкой. – Теперь он твой. Береги.

В этот момент из тумана появился Анак. Он остановился, глядя на новенького.

– Кто это?

– Алекс, – ответил Лайт. – Он идёт с нами.

Анак прищурился.

– Смелость – не то же самое, что глупость. Надеюсь, он это понимает.

– Понимаю, – быстро сказал Алекс.

Лайт вздохнул.

– Тогда пошли. Я хочу есть. И хочу наконец узнать, кто я такой.

Рейтар пожал ему руку.

– Удачи, мистер Аллистер. И вам, мистер Грин. Присмотри за ними, брат, – добавил он, глядя на Анака.

– Сделаю, что смогу, – коротко кивнул тот.

И трое исчезли в лесной дымке.

Рейтар стоял, пока их силуэты не растворились в утреннем тумане. В глазах его отражались пепел, тревога и едва заметная гордость.

Юг. Там, где земля уже давно не знала жизни. Где ветер не пел, а выл, поднимая клубы пыли и старого, обугленного песка.

Выжженная Пустыня лежала мёртвой равниной, растянутой до самого горизонта. Солнце не грело – оно жгло, превращая воздух в прозрачное марево. Казалось, само пространство дрожит от жары, и даже тени здесь уставали жить.

В центре этой пустоты высилась гора – чёрная, как обугленный зуб великана. У её подножия зиял провал, пещера, дышащая древним холодом. Воздух вокруг неё был неподвижен, будто мир сам боялся приближаться.

Внутри было темно не просто из-за отсутствия света. Тьма здесь была плотной, вязкой – живой.

Она не отражала свет, она поглощала его, втягивая, как бездонная пасть. И где-то в её глубине что-то шевельнулось.

Тонкий звук – не то вздох, не то треск – прошёл по камням.

Из черни вынырнула рука. Не плоть – тень, сотканная из ночи и страдания.

За ней – вторая. Потом силуэт. Он поднялся медленно, как будто вытекал из самой земли.

Человеческий контур, но не человек.

Тело колебалось, переливалось, не имея формы – будто само существование не могло решить, кем он был. Голос раздался низко, словно гул подземного камня:

– Найдите мне... тело...

Слова скрипели, будто вырывались из ржавого металла.

– Молодое. Сильное. Чистое болью... Достойное стать сосудом.

От его голоса стены пещеры дрогнули. Камни застонали, песок посыпался с потолка.

Тьма вокруг зашевелилась, сгущаясь в подобие живого моря. Из стен, из пола, из самого воздуха начали проступать силуэты. Десятки. Сотни. Багровые глаза вспыхивали в темноте, один за другим, словно звёзды в обратном небе. Поглощённые. Слуги Белэтта. Осколки его воли. Он смотрел на них, и от взгляда тьма словно кланялась.

– Они прячут его, – прошипел он, – учат... лелеют его силу. Вы позволили мальчишке выжить. Позволили ему стать угрозой.

Голос набирал мощь. В пещере поднялся гул, похожий на бурю, зажатую под землёй.

– Тысячи лет... – Белэтт поднял лицо, и в темноте зажглись два глаза – багрово-чёрные, без зрачков.

– Тысячи лет я ждал, когда найдётся тот, кто осмелится нестимолнию против меня.

Тьма за его спиной вспыхнула внутренним светом – неярким, как уголь под пеплом, но живым. Он вытянул руку, и воздух вокруг сгустился, звеня.

– Если вы не можете убить его... – прошипел он, и каждая буква превращалась в шрам на воздухе, – я сделаю это сам.

Тьма содрогнулась. Волна силы, холодной и плотной, пронеслась по пещере, прокатившись по пустыне. Песок за пределами входа поднялся бурей.

– Вперёд, мои слуги! Разорвите континент, если нужно! Я хочу новое тело, пока он не проснулся окончательно!

Голос Белэтта взревел, превращаясь в грохот, будто сама земля ответила ему изнутри.

Пустыня ожила.

Из песка и камня поднялись чёрные силуэты. Песок осыпался с их плеч, обнажая доспехи, вросшие в плоть. Их глаза загорались кровавыми огнями, по одному, но в каждом.

И когда первый шаг гулко отозвался по земле, из-под песка вырвались остальные. Чёрная лавина хлынула в стороны – на север, запад, восток. По следам живых. По следам мальчишки с глазами цвета грозы. Белэтт стоял посреди тьмы, и его голос теперь был почти шёпотом:

– Молния... вернулась в мир.

И я вернусь с ней. Он поднял взгляд. Из глубин озера тьмы ответил короткий, далекий раскат грома. Первый за тысячу лет.

Над Выжженной Пустыней стих грозный рёв – и чёрная лавина сорвалась с места, расползаясь по континенту. Там, где тень проходила по земле, вода тускнела, а птицы падали камнем. Но до северных лесов волна ужаса докатывалась только шёпотом слухов и ночными кошмарами. Прошло четыре дня. Лес дышал сыростью и хвоей, и только одному юноше снился кошмар.

Ему снова снился огонь. Не костёр – всепожирающая стихия, в которой плавилась лица и слова. Кроваво-оранжевые языки срывались с балок сарая, искры взлетали, как сыплющиеся звёзды. Сквозь дым – взгляд матери: застывший, немой, с вопросом, на который у мира не

было ответа. Из пелены вырастала тень с углями вместо глаз, и голос, скрежещущий, будто трутся каменные глыбы:

Ты и есть Сын Молнии.

Лайт рванулся вверх. Холодный пот, молот в висках. Он втянул воздух – влажный, пред-
рассветный, пахнувший хвоей и сырой землёй. Пальцы сами нашли эфес клинка рядом; холод
стали возвращал реальность.

Поляна пряталась под древними елями. Костёр догорал углями. Алекс спал, свернувшись
клубком. Анак уже сидел на пне, будто часть леса: неподвижный, внимательный взгляд – в
чашу.

– Умывайся, – без прелюдий бросил он, не оборачиваясь.

– Через час выходим.

Лайт молча кивнул, пошёл к ручью. Вода обожгла ледяной свежестью, смыла дым из
памяти, но не тяжесть из груди. Он вытер лицо, растрепал мокрые волосы, потянулся – мышцы
ныли тупо и ровно, как дорога.

Подойдя к Алексу, он ткнул того носком ботинка:

– Подъём.

– Мм-мм... – Алекс с головой ушёл в плащ.

– Вставай, – уже жёстче. – А то Анак посохом разбудит.

Их путь был обозначен вечером второго дня – коротко и без обсуждений: столица Каэлии
и молодая королева Лерена I.

– Ей едва за двадцать, – тогда сказал Анак, глядя в огонь.

– Отец умер, когда ей и пяти не было. Матери не стало прошлой зимой. Держит трон
мёртвой хваткой. Ум – как лезвие. Мягкость – как маска. Для неё ты либо оружие, либо угроза.
Третьего не дано.

Алекс тогда нахмурился:

– Если она опасна... зачем к ней? Разве нельзя найти помощь в другом месте?

– Помощь? – едва заметная усмешка тронула уголок губ Анака.

– Одни захотят его использовать, другие – убить. Лерена предсказуема: ей нужна сила
ради страны. С Белэттом на пороге ей пригодится даже необученная молния.

У неё – защита, знания, и главное святилище Хранителей Грозы. Там ты научишься не
гореть изнутри. Там же – один из Клинков Каэла. Может, отыщем след второго.

Лайт тогда ничего не ответил. Слова «оружие» и «угроза» отозвались горечью на языке.
Он поймал на себе взгляд Анака – из тех, что режут лишние вопросы. Но вечером всё же
спросил, когда дорога стала тише, а луна – светлее:

– Ты служил с моим... настоящим отцом?

– Нет.

– Ты знаешь их имена? Моего отца. Моей матери.

– Сейчас это не важно, – отрезал Анак.

– Важно – дойти живыми. Знание, к которому не готов, убивает быстрее клинка. Время
придёт – узнаешь. А пока смотри под ноги.

Дальше дни складывались в одинаковые полосы: шаг, вдох, шаг. На рассвете – два часа
тренировок, на закате – ещё два. Лайт оттачивал удары; Алекс поначалу только собирал
синяки, но упрямство превращало тяжёлое железо в продолжение руки. Ели то, что давал лес:
костлявых зайцев, дикую птицу, корни. Голод стал фоном, как шум ветра.

В один из вечеров они сели у ручья. Пламя бросало пляшущие тени на усталые лица. Анак сел чуть поодаль; веки опустились, дыхание выровнялось – старый воин позволил себе полчаса сна.

Напряжение попустило. Алекс зевнул, размял плечо:

– Чёрт, я теперь каждый мускул по имени знаю, – шепнул, морщась.

– Думал, после мясницкой лавки меня уже ничем не возьмёшь. Ан нет.

Лайт глядел в огонь:

– Ты видел Миру перед уходом?

– Нет. Была в медпункте. Далон рядом. Говорили – поправляется, но... слабая.

Лайт кивнул. Рыжие волосы, упрямый подбородок, смехок – больно чётко.

– Пусть тьма к ней не дотянется, – сказал он едва слышно.

– И чтобы я ещё успел... объяснить.

Алекс положил ладонь ему на плечо:

– Успеешь. Вернёмся с триумфом.

И я ей влеплю подзатыльник за насмешки... – он попытался улыбнуться, но в голосе звенела та же тоска.

Ночь допевала древнюю лесную песню. Пламя держало круг света – и тьма не заходила внутрь.

Утро встретило низким небом и сырым ветром. Плащи – выше ворот. Шаг – шире. Лес густел, тропа худела. Где-то впереди каркнула ворона.

– Слышал? – прошептал Алекс, дёрнув Лайта за рукав. – Справа.

Казалось, меж стволов прошла тень. Ветер играл ветками, обманывая глаз. Шаг Анака стал ещё тише, посох лёгким поворотом лёг в боевую хватку.

Воздух налился электричеством – как перед разрядом.

Анак остановился резко, будто упёрся лбом в невидимую стену. Пальцы побелели на древке посоха. Он медленно повернул голову, взгляд коротко скользнул по Лайту – оценка, расчёт – и метнулся назад, туда, где должен был идти Алекс.

– Где Алекс? – его голос щёлкнул бичом.

Лайт обернулся. Позади – пусто. Туман, еловые лапы и шорох листвы.

– Надо вернуться! – выдох сорвался в панике.

Анак кивнул – лицо потемнело, как перед грозой. Они рванули обратно по собственным следам, прорубаясь через молодняк. Лес, ещё недавно – дорога, стал лабиринтом. Через несколько минут донёсся глухой гомон. Они, крадучись, раздвинули папоротник и вышли к поляне...

На поляне стояли семеро. Грубые, в потёртых кожанках, с самодельным оружием – смесь кривых мечей, ножей и палок.

Алекс – в центре. К спине прижата сосна. Лицо бледное, губа разбита. Его клинок валялся в грязи.

Главарь – широкий, с полосой шрама через глаз – стоял ближе всех. Голос сиплый, с хрипотцой, будто проглоченный песок:

– Ну что, герой, – прошипел он, – кричи громче. Может, друзья услышат. Нам как раз компания нужна.

Алекс сглотнул, пытаясь отступить, но дерево за спиной не дало. Пальцы судорожно сжимались в кулаки. Он знал: один против семерых – верная смерть.

Лайт, спрятавшийся в кустах, едва сдерживал себя. Гнев и страх клубились внутри.

Глупец! Почему не крикнул сразу?

Он уже хотел броситься вперёд, но холодный взгляд Анака остановил. Старик лишь чуть качнул головой и указал на правый фланг.

Они разделились, обходя поляну.

Алекс тем временем стоял, будто прибитый, чувствуя, как пот холодными каплями стекает по спине. Главварь приблизился, ткнул пальцем в его грудь.

– Ну? Где твои храбрецы? Или ты решил помереть тихо?

Усмехнулся.

И в этот миг лес треснул: два силуэта вышли из тени.

Лайт – справа, меч в руке, взгляд жёсткий.

Анак – слева, посох внизу, но тело выпрямлено, будто всё вокруг уже подчинено его воле.

– Вот и пришли, – хмыкнул главварь. – Сами – и с добычей.

Он кивнул своим. – Облегчите им ношу, ребята. Жизнь на вещички – честный торг, а?

Лайт сжал рукоять до боли.

Они заберут всё. Еду, золото, мой клинок... Клинок Рейтара. Гнев поднимался, горячий, слепой. Но Анак стоял спокойно.

– Согласен, – сказал он ровно, будто обсуждал цену соли. – Берите вещи.

Отпустите парня.

– Что? – у Лайта едва не вырвалось вслух. Он не верил. Он просто сдаёт нас?

Главварь ослабился.

– Вот это я понимаю, старик. Сразу видно – не первый день в дороге. А посох твой... – он прищурился. – Красивая штука. Старина, резьба. Ценная. Отдавай и её.

– Это не для продажи, – Анак даже не пошевелился.

В голосе его появился металл.

Главварь ухмыльнулся, сделал шаг вперёд:

– Я не спрашивал.

Мир рванулся. Главварь махнул рукой – шестеро сорвались, как свора.

Анак – шаг вперёд, разворот, и посох в его руках превратился в смерч. Первый удар – под колено ближайшему, хруст. Второй – в челюсть.

Лайт не успел осознать, что произошло: двое уже лежали.

Алекс поднял свой меч. Клинок дрожал, но парень сжал зубы и кинулся на обидчика.

Размах, крик – неуклюже, но искренне. Лезвие ударило по плечу разбойника, тот отшатнулся, Алекс добавил удар эфесом – и противник рухнул.

Он учится, мелькнуло у Лайта. Чёрт, он правда учится.

Но двое уже шли на него.

Лайт встретил первый удар. Искры. Лезвие звенит, отдаваясь в руках болью.

Второй – сбоку. Он отпрянул, споткнулся о корень, едва удержался. Один из нападавших занёс дубину. Лайт поднял меч для блока, но знал – не успеет. Вспышка.

Разбойника отбросило, как тряпичную куклу. На груди – обожжённое пятно, дым.

Анак стоял рядом. Кончик посоха дымилась тонкой струйкой света.

Тишина повисла вдруг. Пятеро лежали неподвижно. Остальные, в ужасе, сорвались в бег. Шум шагов – и лес вновь поглотил их.

Анак осмотрел побеждённых. Все живы – просто вырублены.

Повернулся к Лайту.

– Буря слепа, – произнёс он.

Голос звучал негромко, но от этого только тяжелее.

– Она бьёт во всё, что видит, не разбирая – враг это или друг.

Он шагнул ближе.

– А воин – не буря. Воин видит. Не просто смотрит – видит. Каждый камень, каждую мышцу, каждый вдох врага.

Он ткнул пальцем в грудь Лайта:

– Ты смотрел на того, кто занёс дубину, но не видел второго, что заходил сбоку. Учись. Или я не успею.

Пауза.

– И тебя не станет. Или твоего друга.

Лайт молчал. Слова били сильнее ударов.

Анак поднял их разбросанные сумки, бросил одну Лайту.

– Идём. Пока те, кто сбежал, не вернулись с подмогой. Воздух уже пахнет смертью.

Звери почуяли кровь. Он пошёл вперёд.

Лайт, сгорбившись, шёл следом. Тяжесть сумки в руках казалась пустяком рядом с той, что тянула изнутри.

Стыд, страх, бессилие. Он снова едва не потерял – и друга, и себя.

Ночь опустилась быстро. Лес был глух, дождь начинал красться между ветвей.

Анак не останавливался до тех пор, пока не показалась поляна с вывороченным деревом – естественное укрытие. Только там позволил им отдышаться.

Алекс сел, прижимая к губе ткань – кровь ещё сочилась.

– Я думал... всё, – выдохнул он. – Ещё чуть-чуть – и конец.

– Подумай об этом завтра, – коротко сказал Анак.

– Сейчас – спи.

Лайт сел рядом, вглядываясь в темноту. Где-то вдали ухнула сова, дождь начал шептать в листве. Буря слепа. Он повторял про себя, пока глаза не закрылись.

Ночь прошла тяжело. Ему снились молнии, что падали не с неба, а изнутри него самого. Они прожигали кости, превращали кожу в пепел, но сердце не горело – только светилось изнутри, как ядро шторма.

Он проснулся на рассвете. Лес был тих, словно переваривал кровь и бой. Анак уже стоял у границы поляны, посох в руке, взгляд в сторону востока.

– До столицы – два дня, – произнёс он, не оборачиваясь. – Если не наткнёмся на патруль.

– А если наткнёмся? – хрипло спросил Лайт.

– Тогда узнаем, кто быстрее – их стрелы или твоя молния.

Лайт усмехнулся, но в голосе не было радости. Он знал – шутка без тени шутки.

ГЛАВА 5. ПЕРЕПРАВА.

Лес закончился внезапно. За последним рядом елей раскрылось серое, бесцветное небо. Впереди – деревня, притихшая так, будто сама вымерла от страха. Ни собачьего лая, ни утренних голосов за плетнями – только глухая, вязкая тишина и запах гнили, смешанный с гарью. Воздух стоял неподвижно, будто боялся шелохнуться. Ветки вдоль дороги были опалены, трава примята и выжжена, а над покосившимися крышами вился тонкий дымок – чужое дыхание, застрявшее в утре.

– Что здесь... – начал Алекс, но голос его захлебнулся.

Он сделал шаг, и лицо побледнело.

У дороги стояло брошенное корыто с бельём, в котором застыла чёрная, вонючая жижа.

Рядом опрокинутая колыбель. Из-под неё торчала крошечная, почерневшая рука.

Алекс отпрянул – и наткнулся на тело старика, глядевшего в небо пустыми глазами.

Из уголков их тянулись тонкие, застывшие, как смола, чёрные дорожки. Он поднял ладонь, но та дрожала.

Анак молчал. Он шёл первым, посох держал низко, легко, будто часть руки. Любое движение – готовое стать ударом.

Первый дом встретил их распахнутой дверью.

На столе – горшки с едой, будто жизнь остановилась на вдохе.

На полу, на боку – мужчина с кожей, исполосованной чёрными узорами, словно под ней проросли ядовитые корни. Лицо застыло в беззвучном крике.

– Поглощённые, – сказал Анак ровно. Носком перевернул руку женщины у порога. Пустые глазницы обведены копотью.

– Искали сосуд. Не нашли – устроили пир из страха и смерти.

Лайт стоял за его плечом. Во рту пересохло, пальцы сами сильнее сжали рукоять меча. Он начал улавливать ритм – кровавый след к калитке, выбитая ступень, вдавленный каблук в глине. Кто-то бежал, споткнулся, поднялся, снова побегал.

Урок был прост: место нужно читать, как противника.

Лайт наблюдал, как глаза Анака, холодные и непроницаемые, скользят по двору, будто по карте.

Он двигался мягко, почти бесшумно, но в каждом движении чувствовалась сила и знание. Старик не просто смотрел – он чувствовал. Казалось, он слышит остаточный шёпот тех, кто умирал здесь, ощущает дрожь Тьмы, всё ещё висящую в воздухе.

Лайт понял: наставник читал это место, как живое существо. Каждая трещина на стене, каждый след, каждое пятно крови – слова на языке смерти.

Рядом Алекс стоял, словно приросший к земле. Глаза бегали от одного тела к другому, дыхание становилось рваным. Он пытался не смотреть, но взгляд снова и снова возвращался – к колыбели, к выжженным следам, к неподвижным лицам.

Страх был живой, цепкий, липкий, будто мог коснуться его самого.

Анак, не произнося ни слова, всё ещё осматривал двор. Его присутствие держало их от паники, как невидимая стена.

Лайт начал замечать то, что раньше бы не увидел: обрывки крови на земле, следы борьбы, мелкие сколы на дверях, будто кто-то царапал дерево ногтями. Дом не просто вымер – его выжгли. Это была не вспышка ярости, а холодный, методичный вырез. Убийство ради отбора.

Анак остановился у ворот и произнёс, негромко, но так, что слова будто впились в воздух:

– Каждая тварь оставляет след. Каждая смерть несёт знак. Чтобы выжить – нужно понимать их язык.

Лайт стоял, сжав кулаки. В груди жгло. Он понял, что страх можно не только чувствовать, но и читать. И если научиться этому – можно обернуть его в оружие.

Он сделал шаг, но в следующее мгновение его вывернуло. Сладкий, тягучий запах тлена ударил в горло. Лайт согнулся, упершись руками в колени, судорожно втянул воздух. И понял: этот запах он уже чувствовал. Тогда, в ночь пожара.

Тот же привкус в воздухе. Та же тяжесть.

– Из-за меня, – пронеслось в голове. – Они ищут меня. Из-за меня гибнут такие, как они...

Голос Анака выдернул его из этого потока:

– Осматриваем дома. Живых – ко мне. Всё странное – не трогать.

Лайт кивнул, сжимая рукоять меча. Каждый шаг по пустой улице отзывался в груди, как удар сердца.

Он вошёл в ближайший дом – запах гнили и дыма встретил его густой волной. Пыль висела в воздухе, как туман. Он двигался осторожно, глаза ловили каждое движение света, каждый тень. Мебель опрокинута, стены исцарапаны, будто кто-то отчаянно пытался выбраться.

Алекс пошёл по другой улице. В одном из домов он заметил погреб, прикрытый кривыми половицами. Осторожно откинул их, и внизу, между бочками с соленьями, сидел старик.

Он дрожал, сжимаясь в комок. Его глаза, огромные и мутные, метались по углам.

– Не убивайте... пожалуйста... – прохрипел он, закрываясь руками. Голос ломался, как старый тростник на ветру.

– Мы не причиним вам вреда, – тихо сказал Алекс, опуская меч.

– Что здесь произошло?

Старик сглотнул, тело его дрожало. Он говорил, задыхаясь между словами:

– Тени... пришли ночью... искали кого-то... молодого... сильного...

Он всхлипнул, вцепившись в стену. – Кого не брали – убивали... Я спрятался... слышал их... Говорили – “сосуд”...

Алекс молча слушал, чувствуя, как по спине катится холод. Каждое слово старика звучало, как приговор.

Пока Алекс помогал старику выбраться на свет, Лайт исследовал дом старосты. Всё вокруг было перевёрнуто, словно бурей. Стол – сломан, половицы в щепках, стены в копоти.

Он уже собирался выйти, когда под ногой что-то глухо скрипнуло. Половица чуть просела. Лайт присел и осторожно отодвинул её. Под доской – ларец, обитый потемневшим железом. Замка не было, лишь следы ржавчины.

Он открыл крышку.

Внутри – несколько пергаментов, потемневших от времени, и кинжал. Металл почернел, а на клинке светились руны – слабым, зловещим дыханием. Когда Лайт протянул руку, кинжал будто ожил: короткий, обжигающий отклик – и пальцы обожгло жаром. Он вскрикнул и швырнул оружие обратно в ларец. Металл глухо лязгнул.

Сердце стучало в висках, как барабан.

Он смотрел на кинжал, и в груди всё холодело. Руны словно жили – пульсировали, словно дышали. Вспышки сна вернулись: пламя, безликая тень, глаза как уголь. Он почувствовал – этот клинок знает его. Гнев и страх боролись внутри.

Гнев – на тех, кто зовёт такие силы. Страх – от осознания, что эти силы отвечают.

– Не трогай, – голос Анака прозвучал тихо, но резал, как сталь.

Он стоял у двери, не делая ни шага внутрь. Посох в его руке чуть дрожал, будто ощущал ту же волну.

– Страх и жажда власти – самые древние яды, – произнёс он, подходя ближе.

Он наклонился, поднял кинжал через кусок ткани, не касаясь металла. Руны мигнули и потухли, будто узнали силу, перед которой уступили.

– Белэтт щедро платит тем, кто готов продать душу.

Сначала – видения, потом сила. А потом пустота.

Он бросил взгляд на пергаменты. – Эти знаки зовут его, как запах крови зовёт волка.

Культисты не случайно были здесь – они призывали Поглощённых.

Лайт чувствовал, как кожа покрывается мурашками.

– Люди... сами открыли им путь? – спросил он.

Анак кивнул.

– Слепая жажда силы всегда делает одно – открывает двери, которые потом невозможно закрыть.

Он завернул артефакт в ткань, положил в сумку и повернулся к Лайту.

– Теперь ясно, почему деревню сожгли дотла. Это место стало приманкой. Те, кто звали Тьму, получили ответ.

Лайт стоял молча. Слова Анака били сильнее, чем запах гари.

Он смотрел на сумку с завернутым кинжалом и понимал – это не просто оружие, а след чьей-то слабости.

Ему казалось, что от него тянется невидимая нить – прямо к Белэтту.

– Страх – быстрый учитель, – тихо сказал Анак и, схватив Лайта за плечо, развернул к реке.

– Смотри.

В мутной воде отражалось его лицо – иное, будто старше. Глаза стали глубже, щеки – впалые, а в зрачках горел тихий, упрямый свет.

Лайт отвёл взгляд.

Алекс молча опустился рядом на колени, пальцы его дрожали. Он вцепился в меч так, словно тот мог удержать реальность.

– Соберись, – сказал Анак. Его тень легла на обоих, длинная и тяжёлая.

– Твой страх – это зов. Они слышат его за многие мили. Хочешь выжить – учись молчать даже сердцем.

– Я... не могу, – выдохнул Лайт. Голос дрожал, он сжал виски ладонями.

– Внутри всё рвётся. Это как падать в пустоту – и знать, что дна нет.

Воздух стал плотным, почти вязким. Сердце билось слишком быстро. В каждом вдохе звучал отголосок той силы, которая дремала под кожей.

Он чувствовал, как молния, запертая внутри, царапает его изнутри, просится наружу.

Анак наклонился ближе.

– Думаешь, я не понимаю? – сказал он уже тише. – Я видел, как стихии сходили с ума, когда их хозяева теряли контроль. Сила не терпит слабости. Или ты ведёшь её, или она ведёт тебя.

– Но я... – Лайт сорвался, почти выкрикнул: – Я не могу!

– Можешь, – отрезал Анак. – Просто ещё не научился.

Он выпрямился. – И научишься, иначе следующая деревня погибнет по твоей вине.

Из-за покосившихся домов выплыла тьма. Не просто дым – нечто живое.

Трое Поглощённых скользнули к ним, и в их очертаниях не было ничего призрачного. Плотные, вязкие тени с багровыми глазами двигались тихо, но с точностью живых существ. Они не нападали слепо – выстраивались, словно по невидимому приказу.

– Алекс, прикрывай Лайта! Круговая оборона! – коротко бросил Анак.

Посох в его руке вспыхнул. Голубые искры пробежали по дереву, воздух наполнился низким гулом, будто где-то рядом ворчал гром.

Лайт стоял, чувствуя, как сердце бьётся в горле. Один из Поглощённых двинулся к нему – плавно, как волна. Второй и третий метнулись к Алексу и Анаку.

Твари двигались не как безумные – они изучали, как звери перед броском.

Алекс успел перехватить меч обеими руками. Первый удар – в спину тени. Лезвие прошло сквозь неё, как через дым, оставив лишь шлейф темного пара.

Поглощённый рванулся в ответ, ударил так, что Алекс полетел на землю. Воздух вышибло из лёгких, мир качнулся.

– Алекс! – выкрикнул Лайт, но ответом был только глухой стон.

Поглощённый повернулся к нему. Глаза – две алые точки, холодные, разумные.

Анак шагнул вперёд. Его посох с хлестким звуком ударил землю. Воздух вспыхнул электричеством, запахло озоном. Первая тварь, бросившаяся на него, застыла в воздухе – и, как будто треснувшее зеркало, рассыпалась на куски дыма.

Но двое оставались. Один уже обходил сбоку, другой шёл прямо на Лайта.

– Сосредоточься! – крикнул Анак. – Не на страхе – на чём-то одном!

Лайт отступал. Спина упёрлась в лодку.

Он слышал, как шаги твари хрустят по пеплу. Багровый свет приближался.

«Маленькое, – мелькнула мысль. – Найди что-то маленькое».

Но вокруг было только разрушение.

Внутри же – буря. Она рвалась наружу, готовая сжечь всё, что попадётся.

Он вдохнул – и отпустил.

Крик вырвался из груди, словно его сорвало ветром. Лайт выбросил руки вперёд во врага. Воздух взорвался звуком.

Фиолетовая вспышка рассекла утро. Молния, сорвавшаяся с его рук, ударила с таким грохотом, что земля содрогнулась. Волна энергии обожгла лицо. Поглощённый, попавший в разряд, завизжал – звук был не человеческий, будто металл режут по живому. Его силуэт разорвался на части, распался в воздухе, как дым, разметённый ветром.

Тишина пришла мгновенно, как после выстрела.

Лайт стоял, дрожа, не веря, что дышит. Руки тряслись, в ушах гудело.

Позади, Анак опустил посох, огонь на его концах угас. Алекс, весь в грязи, медленно поднялся, сплёвывая пыль.

– Гребни, – резко сказал Анак.

Он вталкивал лодку в воду, перерубая верёвку ножом. – Быстро! Пока другие не почуяли. Лайт едва успел прыгнуть внутрь. Вода схватила лодку, качнула. Алекс занял место рядом и взялся за вёсла.

Дышать было тяжело – воздух ещё гудел, пропитанный остаточной энергией.

Они гребли молча. Вода шипела под лопатками вёсел, за кормой клубился пар. На другом берегу уже сгущались сумерки.

Когда лодка отплыла на середину, Лайт оглянулся.

На берегу, среди руин, старик, которого спас Алекс, стоял, прижав к груди их брошенную сумку. Потом, не глядя в их сторону, медленно спустился в погреб.

– Хотя бы у него есть шанс, – тихо сказал Алекс.

Анак не ответил. Его профиль был жёстким, глаза устремлены на дальний берег.

Тишина между ними тянулась, как холодная вода.

Лайт смотрел на свои руки – кожа была чистой, без ожогов, но под ней всё ещё пульсировала сила.

– Я... убил его? – спросил он глухо.

Анак покачал головой.

– Нет. Человек, что был в нём, умер давно. Ты разрушил оболочку.

Он посмотрел на Лайта впервые не как наставник, а как равный:

– Это был не всплеск. Это – выбор. Ты направил бурю. И выжил.

Когда лодка ткнулась в мягкий ил противоположного берега, солнце уже клонилось к закату. Они выбрались на сушу, усталые, промокшие, но живые.

Алекс первым поднялся, хрипло выдохнул и опустился на колени, словно боялся, что ноги больше не выдержат. Лайт просто стоял, не чувствуя тела. Мир вокруг был слишком тихим, будто сама земля прислушивалась, не веря, что всё кончилось.

Анак шёл последним. Проверил берег взглядом, поставил посох рядом и только тогда позволил себе выдохнуть.

– Здесь разобьём лагерь, – коротко сказал он. – Дальше идти нельзя. Тьма всегда возвращается к месту, где её ранили.

Они нашли небольшой пригорок в роще, вдали от реки. Алекс собрал хворост, но пламя едва теплилось – костёр получился маленьким, почти невидимым.

Никто не говорил.

Пламя потрескивало тихо, и только ветер шевелил ветви.

Алекс, растирая ладонями замёрзшие пальцы, пробормотал:

– Я думал, готов ко всему. Но когда они... смотрели... – он запнулся, – это были не глаза зверей.

Лайт кивнул, не поднимая взгляда. Он впервые видел в друге не шутника, не бойца – а человека, которому страшно. И понял, что сам не лучше.

– Я не могу перестать думать о них, – тихо сказал он спустя минуту. – О всех, кто погиб из-за меня.

Он сел ближе к костру, опустил голову. В голосе звучала усталость, не страх. Усталость того, кто слишком много видел за один день.

– Каждый раз, когда я закрываю глаза, вижу их лица. И слышу... этот крик.

Анак молчал долго. Его лицо освещал слабый свет огня, делая морщины глубже, а взгляд – мягче, чем обычно.

– Они погибли не из-за тебя, – наконец произнёс он.

– Они погибли из-за Тьмы, что ищет путь в этот мир.

Он посмотрел на Лайта.

– А ты – лишь её цель. И, возможно, единственная надежда, что у нас осталась.

Лайт ничего не ответил. В груди было тяжело, но впервые за долгое время не хотелось спорить. Он просто слушал потрескивание углей и шум ветра в кронах.

Через какое-то время Анак поднялся, поправил свой плащ.

– Завтра мы войдём в город Лерены. Там будет безопаснее, но и опасности станут другими.

Он помолчал, добавив с тихой усмешкой:

– Королева не любит непрошенных гостей. Особенно тех, кто может поджечь её дворец, просто чихнув.

Алекс фыркнул, но улыбка вышла бледной.

Лайт слабо усмехнулся.

– Звучит обнадеживающе.

Они замолчали.

Ночь опустилась окончательно, и тьма вокруг стала густой, почти осязаемой.

Лайт долго не мог уснуть. Он слушал дыхание друзей и редкие потрескивания костра.

Перед глазами вновь вспыхивали почерневшие дома, лица мёртвых, багровые глаза Поглощённых. Но теперь, сквозь всё это, он видел ещё кое-что – мгновение, когда искра на его пальцах подчинилась.

Холодная, тяжёлая решимость осела внутри. Он знал: больше не хочет быть жертвой.

Если сила в нём – значит, он научится ей владеть. И если для этого придётся пройти через бурю – он не свернёт.

На рассвете, когда первые лучи солнца легли на влажную траву, трое снова двинулись в путь.

Впереди, за холмами, уже виднелись укреплённые башни Каэлии. Лайт шагал молча, чувствуя, как в груди гудит что-то новое – смесь страха и решимости, как ток под кожей.

Первая часть их пути подошла к концу. Но настоящая буря только начиналась.

ГЛАВА 6. ПРИГОВОР КОРОЛЕВЫ.

Лайт проснулся от короткого щелчка где-то в висках – будто сухая искра перескочила между двумя мыслями. Он полежал неподвижно, прислушиваясь: это не сон, но и не явь.

Голова гудела – секунда треска, и тишина. Воздух пах иначе. Не гарью, не смертью. Хвойной сыростью, мокрой землёй. Так пахли ранние утренники в детстве; тот самый день, когда он впервые увидел молнию, ещё до грома.

Он приподнялся на локте. Лагерь спал. Алекс распластался на спине, рот приоткрыт, сонное посапывание – ну как он вообще умеет так спать после всего?

Анак сидел на пне – неподвижный, будто высеченный, но с закрытыми глазами. И тут до Лайта дошло: тишины – той звенящей, как перед налётом Поглощённых, – больше нет. Лес снова дышал: шуршал листьями, отзывался птицей, жил. Они отстали? Или это просто передышка – короткая, как вдох?

Огня не было. Впервые с той ночи на ферме. Почему-то от этого делалось не легче.

С первыми лучами, пробившимися сквозь кроны, Анак поднялся – тихо, будто тень.

– В путь. «До вечера должны быть там», – сказал он обычным голосом, но в тишине прозвучало почти громко.

Дорога пошла вниз. Лес редел, свет становился прозрачнее, чище. На последнем холме Алекс остановился как вкопанный и только выдохнул:

– Ого...

Внизу лежал Громоград. Не просто город – крепость, вросшая в сам камень. Гладкие стены цвета грозового неба уходили вверх, ловя утреннее солнце. Башни – узкие, острые – казались слишком высокими для человеческих рук. По зубцам шли караулы в сине-серебряных доспехах. Много. Сотни. Чужая, тренировочная слаженность в каждом шаге.

– Я думал, столица – это как наша деревня, только побольше, – прошептал Алекс.

– А это... как будто сказку выскоблили до камня.

Лайт молча смотрел и ловил себя на чужом ощущении: после недели лесной вони и смерти эта чистота казалась ненастоящей. Порядок. Сила. Никаких случайностей. Когда-то он так и представлял мир. До того, как всё треснуло.

Спуск занял часы. Вблизи Громоград не распадался на детали – наоборот, собирал: на камне – тонкая резьба молний; над воротами – щиты с гербом Каэлии, перекрещённые разряды на лазури; и всё время – взгляд. Много взглядов. С каждой бойницы, с каждых ворот. Не как на гостей. Как на переменную в расчёте.

У главного прохода их встретила стена из людей: десять стражей шаг в шаг, без единого лишнего движения. Доспехи – будто только из кузни.

– Цель визита? – спросил старший, голос без окраски, чистый механизм.

– Мы к королеве, – шагнул вперёд Анак.

– У вас нет назначения. Нет знаков допуска, – взгляд скользнул по их помятой одежде, задержался на посохе. – Сложите оружие.

Алекс машинально сильнее вцепился в рукоять – он с ним и спал.

– Этого не будет, – сказал Анак настолько тихо, что едва ли все услышали, но старший страж – услышал. – Зови капитана стражи. Скажешь: пришёл Анак.

В тоне не было просьбы. Старший коротко кивнул и отправил бегуна внутрь. Их провели не через парад, а в боковой проход, в толщу стены.

Внутри – щепетильная чистота: брусчатка вымыта до каменного блеска, в воздухе – запах после грозы и холодного железа. Пахло дисциплиной. И властью.

Капитан оказался лет тридцати пяти, высокий, плечистый, лицо сшито шрамами, будто нитками – и каждый про что-то. При виде Анака глаза сузились. В воздухе возникло натяжение – не вражда, но что-то близкое к ней; слишком прямая спина капитана, слишком стиснутый рот у Анака. Знакомы. Давно. Не друзья.

– Доложили, – сказал капитан сухо. – Королева предупреждена о визите. Но сначала – обыск.

Это было неприятно. Холодные пальцы под ворот Лайта, щелчок по шву сапога – нож нашли и молча забрали. У Алекса на клинке задержались на миг дольше, как на трофее.

Посох у Анака тоже ушёл к оружейнику. Алекс попытался возмутиться, но Анак едва заметно качнул головой: не сейчас.

– Он к руке привык, – пробормотал Алекс, провожая меч глазами.

– Здесь всё привыкает к приказам, – отозвался капитан и на долю секунды посмотрел на Анака. Точно что-то личное.

Их повели в сердце крепости: коридоры в камне, залы с чиновниками, головы над свитками, на стенах – карты. Много карт: сражения, логистика, торговые пути, метки перемещений армии. Чувство простое: за всем смотрят.

Наконец – круглый зал под голубыми кристаллами в потолке. В центре – стол из тёмного дерева и карта всего Унсора. У стола – женщина, к ним спиной.

Она обернулась – и Лайт на мгновение забыл дышать.

Лерена Первая была из той редкой породы людей, чьё лицо не описывают, а запоминают. Волосы – воронье крыло, падают на плечи; скулы – резкие; нос – прямой; губы – то ли улыбка, то ли приказ. Но главное – глаза. Серые, предгрозовые. Смотрят так, будто уже знают ответ. В них – ум, воля и усталость, тяжёлая, как корона, которую не снимают. На ней – простое серебристое платье, без лишнего, но сидело оно как на коронации.

Странное ощущение в животе – знакомость. Будто глянул в тёмное стекло: отражение не твоё, но близко.

– Континент Унсур, – её низкий голос заполнил зал, оставив меньше, чем обычно, места для чужих слов. – Пять Стран, пять стихий. И каждая – на грани. Каждая – как пороховой склад.

Лерена обошла стол, не отрывая взгляда от карты. Её палец, тонкий и уверенный, скользнул по старым линиям границ.

– Посмотрите, – сказала она негромко.

– Вот что осталось от мира. Пять Стран, пять стихий. И все – на грани. Каждая из них дышит, но будто сквозь кровь.

Она указала на север.

– Здесь – наши земли, Каэлия. Грозовые плато, страна стали и ветра. Мы живём под молниями Пиков, там, где небо не знает покоя. Наши крепости – Громоград, Штормовой Перевал, Молниеборье, Долина Туманов, Северный Рубеж – стоят, как гвозди, вбитые в землю. Через равнины течёт Стальтечёт, река, что питает то, что ещё не погибло под кислотными дождями с юга. А в кратере древней молнии спит Озеро Сердце Бури – наш символ и проклятие. Мы держимся. Пусть рудники пустеют, пусть хлеб не вызревает – Каэлия не склоняет головы.

Она перевела дыхание и постучала указкой по юго-востоку карты.

– Дальше – Валемния. Земля пламени и пепла. Столица – Пироград, у подножия Игна-риона. Там ночь горит, а день дымится. Вокруг – Огненные Врата, Золаар, Пепельные Холмы и Кровавые Пески. Там правят кузнецы и жрецы, а река Лавонос несёт к морю расплавленный пепел. В горах Пламенных Сердец земля сама светится изнутри. Лорд Игнис кричит о «чистоте мира» и ведёт легионы через выжженную равнину. Следующий удар их будет по Штормовому Перевалу. Последний – для них или для нас.

Она замолчала на миг, будто слышала отзвуки далёких барабанов.

– Запад – Наралия, архипелаг Волн. Пока они держатся в тени, но их флот ходит всё дальше. Столица – Талассар, город на воде. Рядом – Мирелин, гавань шпионов; Приливная Цитадель, твердыня Совета Волн; Серебряная Лагуна, где маги Воды ищут тишину; и Остров Сирен, куда никто не возвращается. Море Шепчущих Волн прячет их корабли, а Течение Левиафана жрёт всех, кто пытается пройти без приглашения. Совет у них расколот: одни тянут к нам, другие уже торгуются с Валемнией. Их сомнения убивают нас медленно, но верно.

Теперь её указка пошла на восток.

– Эйрин, степи ветров. Они закрыли границы и назвали это Великим Уединением.

Столица – Аэрисхан, на каменном плато, где ветер поёт и режет. Над ним кружат всадники из Летокрыла – гордые, безмолвные. В Зелёной Гряде затихли базары, Оазис Песнопений зарос, а Вечный Перекрёсток осиротел. Через степь течёт Река Танцующего Пера, а в самом сердце лежит Озеро Прозрачных Снов. Говорят, оракулы там уже видели наше падение – и потому их страна молчит.

Она подняла взгляд к северо-востоку.

– Тарния. Горы камня и тени. Пока ещё союзники. Столица – Камнерук, вырезанная в сердце скалы. Вокруг – Гранитхолм, Рудные Врата, Подклонье, Трещинная Долина. Река Камнекровь густая, словно земля сама истекает ею. За Горами Безмолвия спрятаны тоннели к Пещерам Глубинного Эха – там вспыхнуло старое Восстание Глубин. Король Дурок верен, но его сын Гранит мечтает о предательстве. Одно неверное слово – и перевалы замкнутся, похоронив нашу надежду.

Лерена медленно выдохнула.

Её палец скользнул вниз, к югу, туда, где карта темнела пустотой.

– Вы смотрите на границы, – сказала она, и голос её стал тише, – а я вижу раны. Трещину, что идёт через весь Унсур. Её корень не в Валемнии и не в Наралии. Он здесь, внизу. – Она ткнула указкой в Выжженную Пустыню. – Белэтт. Его тень ложится на всё, что ещё дышит. Пока мы грызёмся за уголь и зерно, он растёт в песке. И его Поглощённые – не чудовища, а инструменты. Они ломают нас изнутри, ищут слабое место.

Она подняла глаза, и взгляд, тяжёлый, как грозовой фронт, лег прямо на Лайта.

Лерена медленно обвела всех взглядом, задержавшись на Лайте.

В зале стало тише, будто воздух прислушивался.

– Война уже идёт, – сказала она наконец.

– Просто не все успели это заметить.

Лайт почувствовал, как её слова ложатся тяжестью на грудь.

Она вышла из-за стола и подошла ближе, плавно, но с той кошачьей уверенностью, от которой хотелось отступить.

– И в самый разгар этой войны, – продолжила она, – появляется он.

Она обошла Лайта кругом, словно оценивая не человека, а найденный артефакт.

– Мальчик с захудалой фермы. Приёмный сын. Без рода, без имени. Сила, о которой он сам говорит, что не может её сдержат. Сила, что тянет за собой Тьму. – Голос звучал спокойно,

но за ним чувствовалось напряжение. – Куда бы вы ни пришли, горят деревни, гибнут люди. Почему?

Откуда она знает обо мне? О ферме, о родителях? Кто успел рассказать?

Лайт хотел что-то сказать, но слова застряли.

Она остановилась перед ним.

Запах – свежий воздух после грозы, тонкий аромат старого пергамента. Так пахли библиотеки и буря одновременно.

– Вы просите меня поверить, – сказала Лерена, чуть наклонив голову, – что вы – исполнение древнего пророчества. Что вы, Лайт Аллистер, Сын Молнии, должны спасти мир.

Её губы изогнулись в лёгкой, безрадостной улыбке.

– Пророчество, – произнесла она тихо, – не оправдание для гибели.

Она сделала паузу.

– Оно не объясняет, почему Поглощённые идут именно по вашим следам. Не объясняет, почему ваша сила рождает смерть. Так кто вы на самом деле? Самозванец? Ошибка? Или... нечто, что само не знает, чем станет завтра?

Воздух будто сгустился.

Лайт не сразу понял, что сжал кулаки так, что побелели костяшки.

– Он – причина, по которой у вас всё ещё есть шанс, – вмешался Анак.

Голос его был ровным, но в нём слышался металл.

– Без него ваши крепости превратятся в пепел, как и всё остальное. Он уже дважды уничтожал Поглощённых, будучи не обучен ничему.

Он сделал шаг вперёд. – Я привёл его сюда, чтобы Хранители Грозы научили его владеть собой. Всё остальное – потом.

Лайт смотрел на Анака.

Он говорил спокойно, но в этих словах чувствовалось больше защиты, чем он ожидал.

На лице Лерены промелькнула тень раздражения, но она быстро взяла себя в руки.

Резким жестом она приказала стражнику.

Дверь сбоку отворилась, и в зал вошёл юноша.

Он двигался бесшумно – будто ветер проскользнул сквозь каменные стены.

Ростом чуть выше Лайта, плечистый, с поджарым телом, как у бегуна. Каждое движение выверено, дыхание ровное, в нём не было ни капли спешки. Лицо – чёткое, будто вырезанное из гранита. Глаза – холодные, светлые, внимательные. На нём была простая форма, но на нём она смотрелась как доспех.

– Это Кайл, – сказала Лерена, и в её голосе впервые прозвучала тёплая нота.

– С семи лет он обучается в Храме Грозы. Сейчас ему семнадцать.

Она говорила спокойно, но в словах слышалась гордость.

– Он способен пропустить через себя разряд, который испепелит десяток врагов.

– Может читать потоки энергии в воздухе и камне. И при этом – не теряет сознания.

Его контроль близок к идеалу.

Лерена повернулась к Лайту.

– Он – лицо Каэлии. Наши лучшие руки, наш расчёт, наша дисциплина.

Она чуть усмехнулась.

– А вы – хаос. Дикая сила, не знающая ни меры, ни направления.

Она шагнула ближе, и голос её стал холодным, как лезвие.

– Так скажите, Сын Молнии... почему Тьма ищет вас, а не его?

Лайт не знал, что ответить.

Мир качнулся, будто под ногами ушла опора. Всё, что он пережил, всё, что потерял, – вдруг показалось ничем по сравнению с этим испытанием.

Она знала всё. Каждую деталь. Каждое слово.

– Я... – голос дрогнул. – Я не знаю.

Пауза длилась слишком долго.

Лерена смотрела прямо ему в глаза, словно пыталась вычитать ответ между строк.

Потом медленно кивнула, будто приняла решение.

– Капитан, – сказала она. – Разместите их в западном крыле. Её взгляд вернулся к карте, но голос прозвучал твёрдо:

– С завтрашнего дня они оба начнут обучение. Я хочу увидеть, на что способен каждый.

Лайт едва осознал, как их вывели из зала. Он обернулся на ходу. Кайл уже стоял рядом с королевой, склонившись над картой. Его пальцы уверенно указывали на перевалы Тарнии.

Он был здесь своим – шестерёнкой этого идеального механизма. А Лайт... чужак. Пыль на мраморе.

Дверь за ними закрылась глухо, будто отрезала от остального мира.

Камень в стенах хранил холод. Комната была чистая, даже слишком: стол, две кровати, узкое окно. Воздух пах сухими травами и пылью. Не смертью. Пока – нет.

Лайт опустил на край кровати, провёл рукой по лицу, чувствуя, как дрожат пальцы.

В углу аккуратно лежали их вещи, даже клинок Алекса – сверху, будто дожидался хозяйина.

– Ну и ну... – выдохнул Алекс, тут же схватив меч. Он сжал рукоять, и плечи у него будто осели, наконец расслабившись.

– Я думал, Рейтар – самая строгая душа на свете. А эта женщина... – он замялся, подбирая слово, – она... это же сама буря. Голос, взгляд, всё подчинено воле. Настоящая королева.

Лайт стоял у окна. За стеклом мерцали голубые кристаллы на улицах Громограда – ровные, правильные, бесстрастные.

– Да, – сказал он глухо. – Настоящая.

Он коснулся стекла пальцем. – Она знала всё. Про родителей, про ферму. Даже что я приёмный.

Повернулся к Алексу. – Как будто кто-то шепчет ей о каждом моём шаге.

– Думаешь, Анак? – Алекс нахмурился. – Не верится.

Он опустил меч к стене. – Может, просто демонстрирует власть: мол, “я всё знаю, и ты – под лупой”?

Лайт прошёлся по комнате, словно загнанный зверь.

– Он привёл нас сюда. И молчал, пока она рвала меня на части.

– Да ладно, – возразил Алекс, – он ведь вступился! Сказал, что ты уже побеждал Поглощённых!

– После того, как она выставила меня проклятием, – отрезал Лайт. – Как будто я сам виноват, что жив.

В глазах мелькнули искры, фиолетовые, короткие. Он выдохнул и заставил их погаснуть.

– Она права, Алекс. Из-за меня всё это началось. Родители, деревня... – он сжал кулаки.

– Я – слабое звено, которое Белэтт ищет. А она показала мне, кем я не смогу стать. Кайла. Имя сорвалось с горечью.

Алекс фыркнул.

– Этот? Да он похож на полированный меч, которым никогда не рубили. Всё на месте, всё вылизано – и ни грамма жизни.

– Он идеальный, – сорвался Лайт. – Слышал, что о нём сказала королева? С семи лет в Храме, читает потоки энергии, контролирует бурю. А я что? Разрядка без предохранителя.

Алекс поднял бровь.

– А я вижу мальчишку, который выжил там, где идеальные не выживают.

Он подошёл ближе.

– Он не знает, как это – терять, как это – падать и вставать. А ты знаешь. И это твоя сила. Настоящая, человеческая.

Лайт смотрел на него, и напряжение в груди медленно ослабло.

Алекс умел выбить клин клином.

– Может, он сможет научить меня контролю, – сказал Лайт тише.

– Но он никогда не поймёт, зачем я должен держать эту силу.

– Вот именно. И ещё кое-что, – Алекс понизил голос.

– Видел, как она на него смотрела? Как на хорошо наточенный инструмент.

– А на тебя – как на загадку. Опасную, да. Но живую.

– Ей с ним скучно, – ухмыльнулся он. – А ты для неё вызов.

Лайт усмехнулся – впервые за день.

– Сомневаюсь, что я ей интересен.

– Интересен, – уверенно сказал Алекс. – Она привыкла командовать людьми, а не бурей.

Он потянулся, щёлкнул шеей.

– Ладно, хватит философии. Я хочу есть. Если мы уж “гости”, значит, где-то тут должна быть еда. Или ты хочешь, чтобы твой герой умер от голода до начала обучения?

Лайт качнул головой, но улыбнулся.

– Ты невозможен.

– Вот за это и держись, – хмыкнул Алекс. – Пока я рядом, скучно не будет.

Он обыскал полки, вытащил хлеб и засушенные яблоки

– Вот видишь, – объявил он торжественно. – Королевский ужин для королевских пленников.

Они ели молча, слушая, как за стеной шаги караула гулко отдаются в камне. Всё в этом городе звучало одинаково – ровно, по счёту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.